

ЗАПРЕТНАЯ ПРАВДА О РУССКИХ

АНДРЕЙ
БУРОВСКИЙ

Андрей Буровский

**Запретная правда о
русских: два народа**

«Яуза»

2013

Буровский А. М.

Запретная правда о русских: два народа / А. М. Буровский — «Яуза», 2013

Этой книгой можно возмущаться, с ней можно (и нужно!) спорить, ее можно проклинать – но читать обязательно! Бросив вызов и «либералам», и националистам, нарушая самые строгие табу и запреты, автор объясняет все проблемы России многовековым расколом русского народа, который после кровавых «реформ» Петра Первого фактически распался на два враждующих субэтноса: «русских европейцев» и «русских туземцев», отличавшихся и образом жизни, и обычаями, и духовными ценностями, и даже языком. И вся последующая история России есть летопись ожесточенной войны этих двух цивилизаций. Образованный класс, хваленая русская интеллигенция всегда смотрела на простонародье как колонизаторы на аборигенов, испытывая едва ли не физиологическое отвращение к их облику и жизненному укладу, всегда относилась к крестьянскому миру как к каким-нибудь дикарям и вела себя в родной стране как в заморской колонии. Русские «туземцы» отвечали «европейцам» ненавистью, зачастую перераставшей в открытое сопротивление. Именно здесь корень всех наших бед, всех русских бунтов, революций, гражданских войн. И этот раскол не преодолен до сих пор, вылившись в открытую вражду столиц с окраинами, которая сегодня вновь выплескивается на площади, уже в который раз грозя России «великими потрясениями»...

© Буровский А. М., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Введение	5
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	22
Глава 4	31
Часть II	37
Глава 1	37
Глава 2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Буровский

Запретная правда о русских: два народа

Книга ПОСВЯЩАЕТСЯ моим дорогим сородичам – русским европейцам, которые когда-либо погибли от рук русских же туземцев: врачам, убитым во время «холерных бунтов» за то, что они «морили народ»; студентам, убитым толпой за то, что они «устроили затмение». И конечно же, всем бесчисленным жертвам бесчисленных бунтов, мятежей, восстаний и смут – от пугачевщины до 1918 года.

Автор

Так пусть же не оставит вас Провидение своей неизреченной милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рожденных после третьего и четвертого поколений, которым отмщение, как сказано в Библии.

Сэр А. Конан Дойл

Введение

СТЫДНАЯ ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Патриотический подъем 1812 года, массовый героизм русских запомнился на века. Галерея героев 1812 года в Эрмитаже, целые библиотеки, написанные об эпохе войны с Наполеоном. «О бедном гусаре замолвите слово»: сначала романс, потом фильм.

Во время войн с Наполеоном погибло до 60 % мужчин в трех поколениях дворян. Героизм был. Национальный подъем был. На мифологии войны 1812 года воспитывались поколения.

... Вот только одновременно на стороне Наполеона воевала 8-тысячная Русская бригада – из беженцев из Российской империи. А крестьянство в охваченных войной районах вело себя так, что у историков появился термин: «второе издание пугачевщины». Смутные отзвуки этой второй пугачевщины можно почувствовать и в «Войне и мире» Толстого, и в «Рославле» Загоскина... Но именно что смутные отзвуки. Официальная история не знает ничего подобного, потому что официальная история писалась от имени «русских европейцев». В 1812 году «русские европейцы» составляли не больше 2–3 % населения России. Они вовсе не считали «русских туземцев» своими дорогими сородичами. Ведь сородичей не продают, не запарывают на смерть, не обменивают на борзых собак.

Туземцы платили европейцам такой же «любовью». И во время Пугачева, и как только на русских европейцев напал Наполеон. И позже...

В 1914 году все европейские народы охватила предвоенная истерия. Прослеживается она по многим творениям и Конан Дойла, и Киплинга, и Голсуорси. А в России – хотя бы по многим стихам Гумилева. В Петербурге полиция с трудом удержала обывателей от немецкого погрома, интеллигенты произносили патриотические речи, журналисты выражали уверенность в победе и что каждый охотно примет участие в войне. И принимали. Число добровольцев было громадно, до миллиона.

... Вся Европа готовила Первую мировую войну. Вся Европа радовалась, когда она началась, и все предвкушали победу. Но ничего подобного не возникло «во глубине России». Не было там ликования, не было нарядных толп, не было всплесков патриотического восторга. Была лояльность – готовность выполнять долг, но уже осенью 1914 года число дезертиров составило 15 % призванных, к 1917 году – до 35 %. Для сравнения: в Германии число дезер-

тиров не превышало 1–2 % призванных, во Франции – не более 3 % за всю войну. При том что в Российской империи призван был заметно МЕНЬШИЙ процент мужского населения. Нигде дезертирство не стало массовым, типичным явлением, не выросло в проблему национального масштаба – кроме России.

Потери Российской империи в Первой мировой войне указываются с огромной «вилкой» – от 10 миллионов погибших до 7 миллионов. Почему?! Откуда такое различие?! А очень просто. Долгое время старались не указывать число военнопленных, а было их 3 миллиона человек. Вот и писали, то учитывая одних погибших, то приплюсовывая к ним еще и число сдавшихся в плен.

1 августа 1914 года Российская империя объявила, что считает себя находящейся в состоянии войны с Германской империей. В августе и сентябре 1914 года на запад тянутся эшелоны с мобилизованными солдатами. В основном это крестьянские парни, вторые и третьи сыновья: по законам Российской империи призыву не подлежит ни единственный сын, ни старший сын в семье.

Эшелоны с новобранцами шли не быстро, надолго останавливаясь на крупных транспортных узлах. Особенно много эшелонов скопилось под Петербургом. Дачный сезон еще в разгаре, и дачники целыми семьями выходят к полотну железной дороги. В провинциальных городах и в Петербурге городская интеллигенция хочет поговорить с защитниками Отечества, с мобилизованными крестьянскими парнями.

Тут выясняется ужасное – они не умеют говорить друг с другом, интеллигенция и народ. То есть словарный запас почти одинаков, грамматика почти тождественная, но произносятся слова несколько иначе, у народа и интеллигенции разный акцент; да и слова используются часто разные. И представитель народа, и интеллигент могут сказать «сегодня холодно» или «поезд подан», но всегда понятно, кто из них произнес «кругом шешнадцать» или «не правда ли, господа?».

Карабкаясь на крутые железнодорожные насыпи, интеллигенция будет изо всех сил коверкать свой русский язык, пытаясь говорить на «народном» языке. А солдаты будут отвечать им, также старательно подбирая слова и обороты «барской» речи, стараясь имитировать стиль общения интеллигенции.

Интеллигенция очень попытается найти общий язык с туземцами собственной Родины, но у нее не получится. Наверное, и крестьянские парни хотели тогда увидеть в дачниках не смешных «антиллихентов» в пенсне, а людей своего народа и той же исторической судьбы.

Но время упущено: не только строй понятий, представления, бытовые привычки, даже язык этих людей так различны, что братания крестьянских парней и прекраснородных русских интеллигентов не получится. Даже перед лицом громадной и страшной войны, в совершенно искренней попытке национального объединения.

Сколько людей тогда, в августе 1914 года, побывало у солдатских теплушек и ушло с чувством неловкости? Сколько интеллигентов если не поняли, то почувствовали – они чужие друг другу, интеллигенция и эти парни? По всей России – десятки тысяч, а очень может быть, и больше – заметный процент всех русских горожан того времени.

Сколько солдат участвовало в этих несостоявшихся напутствиях и проводинах и остались в своих теплушках с тем же чувством неловкости? Уж в этом-то случае говорить о сотнях тысяч можно смело. И ведь не поголовно все унесли в братские могилы свой опыт общения с интеллигенцией в августе и сентябре 1914 года.

Часть участников событий пытались потом осмыслить свой опыт, как-то передавать его новым поколениям. О беседах возле солдатских вагонов мне рассказывали мои родственники – в 1970 году им было порядка 80, мне – 15. Так что и живые свидетели были еще сравнительно недавно. А возьмите хотя бы «Дорогу мертвых» Соломона Марковича Марвича – там очень

хорошо описаны именно такие сцены [1]. Видимо, натужные, вымученные разговоры дачников и мобилизованных солдат произвели на современников очень сильное впечатление.

В России начала XX века был слой, в котором Георгиевский крест почитался, а вернувшихся инвалидов уважали. Но гораздо больший процент крестьян воевать не хотели, и только терпели призыв, как «налог кровью», и то пока армия побеждала.

Русские туземцы сопротивляются войне то пассивно, всячески уклоняясь от призыва, а потом бегут от воинской повинности, и наконец, доведенные до крайности, бросаются на русских европейцев.

К концу же 16-го года великое множество дезертиров делали почти неуправляемой ситуацию в прифронтовой полосе, а в некоторых деревнях число дезертиров превысило число призывников.

В начале 1917 года толпы дезертиров хлынули с фронта. Эти массовые беженцы с фронта громили не только помещичьи усадьбы, но и хутора крестьян, которые выделились из общины. Дезертиры явно враждебны как раз всем проявлениям русской Европы, в том числе и в крестьянской среде.

Тогда же в Петербурге произошла Февральская революция, опиравшаяся на части, которые не хотели попасть на фронт.

Гражданская война вскрыла одну из самых тяжелых и самых трудных проблем России: «...социально-культурный разрыв между народом и интеллигенцией, который возник после реформ Петра Великого и в течение двух столетий был самым большим социальным злом русской жизни. «Народ», т. е. крестьянство, смотрел на дворянство, чиновничество и интеллигенцию почти как на иностранцев или, во всяком случае, как на «начальство». Разрыв этот был не только бытовым и психологическим, но и юридическим»¹.

Одна из основных причин, по которым Белое движение проиграло Гражданскую войну: крестьяне вовсе не хотели подчиняться «их благородиям» и воевать под их началом. Большинство из них вовсе не хотели поражения белой армии. . . Но и активно идти в нее не хотели.

Армия Врангеля успешно наступала в Северной Таврии, когда 14 июня 1920 г. 33 белых офицера встретились с 67 вожаками крестьян-повстанцев в деревне Синие Кусты Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. На «совещании ста» было решено создать две четко организованные партизанские армии. Фактически создали три армии. Но крестьяне вместе с белыми не выступили.

Только 19 августа 1920 года крестьяне разоружили красный продотряд и разогнали совет в селе Каменка. Так началось Тамбовское восстание. Называя вещи своими именами: когда белые проиграли, крестьяне с кряхтением сами взяли за оружие. Пришлось... К октябрю восстание охватило пять уездов, где были упразднены органы советской власти, перекинулось в Воронежскую губернию, перерезало важные железнодорожные линии и охватило территорию с 3,3 млн населения.

Ведь красные все равно не дали бы покоя крестьянам. Пока шла война с белыми, красным было попросту не до крестьян. Теперь до них тоже дошли руки.

Как могла бы повернуться история России, не будь в Гражданской войне этого фактора: упорного недоверия туземцев к русским европейцам? Говоря откровенно – на этот вопрос даже не хочется отвечать. От одной мысли – до какого маразма мы довели самих себя, двести лет разделяя на две цивилизации свой собственный народ, «мое внутреннее плачет во мне».

После несостоявшихся братаний на насыпях уже можно предположить: русскими называют себя люди двух разных народов. У них разные культуры и даже разные языки... По крайней мере диалекты. Люди этих народов относятся друг к другу так, что опустошительная граж-

---

¹ Пущкарев Г.С. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. С. 126.

данская война между ними становится все неизбежнее. Скорее всего, это должна быть война на уничтожение – ведь эти два народа все хуже понимают друг друга.

Коммунисты последовательно считали себя «прогрессивными», а крестьян – «отсталыми».

Жестокости Гражданской войны 1918–1922 годов, применение огнеметов и отравляющих веществ к мятежным деревням откровенно не сводятся ни к какой необходимости добиться победы, подчинить, даже к необходимости истребить «ненавистного врага» (то есть целое громадное сословие).

Ужасы коллективизации не больше объясняются рациональными причинами, чем гвозди, вбитые в погоны, или грудные дети на штыках. Люди, которые в октябре, накануне таежной зимы, сбрасывали в низовья сибирских рек баржи с семьями «кулаков», искренне считали себя носителями рационального начала, противопоставляли себя и свою образованность «предрассудкам темного народа».

Московский публицист Ксения Мяло, на мой взгляд, определила очень точно: «Такое впечатление, что сам вид этих длинных юбок, свободных кофт, распясок, бород, нательных крестов вызывает в городской интеллигенции невероятное раздражение». Очень точно. Сам вид всей этой совершенно нейтральной крестьянской этнографии, сам внешний облик мужика будит ненависть интеллигента 1920—1930-х годов: ненависть инквизитора к не пойманной ведьме, ненависть делателя прогресса, наследника многих поколений таких делателей, начиная с Петра, к сословию, которое самым зловредным образом сопротивляется тем, кто несет ему благоденствие... Ненависть такая, что перерастает в желание творить самое грубое насилие: пытаться, убивать, силой заставлять вести себя и даже одеваться и причесываться «правильно».

Но чем эта ненависть к одному виду распясок, нательных крестов или стрижки «под горшок» отличается от ненависти к погонам, библиотекам или кружевным пелеринкам на девочках лет 3–4? Стоит встать вне знамен «своего» субъектноса, попытаться понять мотивы обеих сторон, и никакой разницы вы не увидите.

Парадокс – но у сторонника красных (казалось бы – сторонника «народа») эта ненависть даже сильнее. Он ведь прогрессивный человек, этот пошедший за большевиками русский интеллигент; он вполне идейно ненавидит все «отсталое», «устаревшее», «народное».

Конечно же, и при советской власти эти два народа в одном никуда не исчезли. Еще совсем недавно, всего 15–20 лет назад, русский народ состоял из двух разных частей, как бы из двух разных народов с разной культурой, разным пониманием жизни, системами ценностей и даже с разной исторической судьбой.

Даже сегодня нет-нет да и выплещется память о том, кто к какой части русского народа принадлежит... То есть чьи предки к какой его части принадлежали.

Это разделение на два народа сыграло колоссальную роль во всей истории России, проявилось во множестве ситуаций... А мы даже не понимаем, с чем имеем дело, все продолжаем плести речи про «необразованный, не знающий своей пользы народ».

Мы и правда не понимаем, что происходило и происходит: ведь проблема никак и никем не изучалась. Она даже не поставлена: ни в науке, ни в народном сознании. Ее и невозможно осмыслить. Полное впечатление, что русские люди просто не хотят даже думать в этом направлении.

Мы до сих пор не осознали, что русские европейцы были насильниками туземцев, а народ то пассивно хоронил попытки его переделывать, то оскаливался пугачевщиной.

Объяснить происходящее я могу только одним способом, и буду рад, если мне предложат какие-то иные объяснения. В истории каждого народа есть свои стыдные проблемы. Эти проблемы слишком уж расходятся с тем, что народ хотел бы думать о самом себе. И с тем, конечно же, что народ хотел бы предъявить своим соседям. Есть проблемы неприличные, как дурная болезнь. Пятнающие репутацию, как пятнает семейную репутацию бабушка-проститутка или

дедушка-алкоголик. Стыдная проблема слишком уж мешает думать о себе так, как хочется; ее стараются замолчать, а лучше всего – и не думать о ней.

Пришла пора обобщить и данные науки, и эти свидетельства, собрать воедино и показать читателю. Книга моя – об этой страшной, стыдной и постоянно скрываемой проблеме русской истории.

Часть I

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО?

*Как бы ни пошло развиваться явление, час его рождения
определяет чересчур многое.*
Лорд Кларендон

Глава 1

КТО ТАКИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ?

Никогда, никогда, никогда Англичанин не будет рабом.
Английский гимн

Что такое Европа?

Вообще-то, Европа – не географическое понятие. Нет такого материка – Европа. Европа – это такая «часть света», то есть некое условное, исторически сложившееся понятие.

Первым ввел эти понятия Анаксимандр, живший еще на рубеже VII и VI веков до Рождества Христова в Малой Азии, в городе Милете.

С точки зрения Анаксимандра, центр почти плоской, еле выпуклой Земли занимало Средиземное море, а обитаемая земля, Ойкумена, делилась на две равные части – Европу и Азию. Анаксимандр и не думал приписывать какие-то различия обитателям Европы и Азии. Сначала не думали и другие греки.

Но опыт жизни подсказывал: в Европе и в Азии живут совершенно по-разному!

В Греции-Европе была частная собственность. Собственность, которая принадлежала отдельному человеку и которую никто не мог отнять или присвоить. В Греции и власть и общество охраняли частную собственность.

В Европе жили граждане: люди, обладавшие неотъемлемыми правами. Никакая власть не могла отнять у гражданина его права или действовать так, как будто у него нет прав. Граждане сходились на площади и выбирали должностных лиц своего государства. У граждан была собственность, а у государства никакой собственности не было. Если гражданина выбирали на государственную должность, он оплачивал необходимые расходы из собственного кармана.

Чем богаче был человек, тем более высокое положение он занимал. Частная жизнь человека определяла его положение в обществе.

В Азии – в Персии, в городах Сирии, в Египте – не было частной собственности. Там была только собственность общины и собственность государства. Если человек делал карьеру и занимал в обществе высокое положение, он становился богаче. Но человек не мог иметь собственность, которая не зависела бы от общины и от государства.

В Азии не положение человека в обществе зависело от успеха в частной жизни, а богатство зависело от общественного положения.

В Азии не было граждан; все были подданными царя. У любого человека власть могла отнять его собственность, а с ним самим поступить как угодно.

Община тоже не поддерживала ни прав человека, ни его прав на собственность. Членам общины не хотелось, чтобы кто-то стоял вне общины и не зависел бы от нее.

Во всем тогдашнем мире только в двух обществах были такие же правила жизни: в самой Греции, и в Римской республике. И тут все началось не сразу. Греция до греков, могучее государство Крита, владевшее морями во 2-м, в начале 1-го тысячелетия до Р.Х., ничем не отличалось от Египта или Вавилона.

Общество греков-ахейцев тоже было вполне неевропейским. Ахейцы воевали в Троянской войне – тем и прославились. У них были храбрые военачальники Гектор и Ахиллес, умные цари Менелай и Приам, отважная верная Пенелопа и ее вредная красивая сестра Елена. Хитроумный Одиссей, о котором до сих пор снимают фильмы и пишут книги, – тоже ахеец. Но граждан в обществе ахейцев не было.

В XI–IX веках до Р.Х. Грецию завоевали другие греки – дорийцы. Это были племена, близкие ахейцам по языку и культуре – примерно как русские и сербы. Но все-таки другой народ, хотя и родственный. После дорийского завоевания Греция изрядно одичала; древние города лежали в развалинах, письменность оказалась забыта. В эти мрачноватые века и пел свои песни слепой сказитель – Гомер.

В этой, дорийской, Греции и родилось гражданское общество – не раньше VIII–VII веков до Р.Х. В это время члены общины-полиса начинают жить не по традициям, которые установили мудрые предки, а сами придумывают правила жизни в своем городе-государстве – политику. Община превращается в сообщество граждан, общинники приобретают свои неотъемлемые права.

Почему этот прорыв произошел именно здесь, почему Греция и Рим, а не Финикия или Вавилон стали Европой – ученые спорят до сих пор. Но история шла так, как она шла – первоначально гражданское общество родилось только в этих двух маленьких обществах, на полуостровах Средиземного моря.

Рим – создатель Европы

В VII, в V, даже во II веках до Рождества Христова вовсе еще не были Европой те земли, которые для нас неотъемлемо связаны с этим словом, – Франция, Британия, Испания. Здесь, как везде, были свои дикие и полудикие племена, свои вожди, свои общины. И никакой частной собственности, никаких граждан не было в помине.

Племена говорили на разных языках, воевали между собой, и никакого представления о своей общности, о каких-то своих отличиях от остальных людей у них тоже не было.

Греция не умела передавать главное в своей культуре другим народам. Даже когда при Александре Македонском греки завоевали почти всю известную им Азию, они не смогли сделать ее Европой. У них не было механизма превращения подданных в граждан, разрушения общины, становления частной собственности.

А везде, где чужие земли завоевывали римляне, появлялись граждане, и появлялась частная собственность.

Римская империя несла смерть и порабощение всем, кто не мог отбиться от ее железных легионов. Но еще она несла идею гражданского общества.

На завоеванных территориях строились римские города, и отслужившие свой срок легионеры становились ветеранами, получая право на землю и на помощь в подъеме хозяйства. Если даже ветеран уже имел «чисто римскую» семью, его дети и внуки женились на местных уроженках.

Захват рабов был чудовищно жестоким действием. Но чем дальше, тем меньший срок раб оставался рабом: уж очень была очевидна невыгодность рабского труда. Выучившего язык, начавшего понимать новые правила игры раба старались отпустить на свободу. Вольноотпущенник сохранял связи с хозяином, становился чем-то вроде крепостного, а его дети и внуки уже становились римлянами.

Кроме того, римским гражданином можно было стать. Тот, кто был материально обеспечен, кто владел латинским языком и был готов ассимилироваться в римской культуре, легко становился римским гражданином, а затем ромеем, римлянином. В Галлии местные кельтские-гэльские языки исчезают уже века через два после завоевания. В Иберии-Испании только на северо-востоке страны, в Басконии, сохранились местные иберийские языки: племя васконов решило ни в коем случае не забывать язык предков. До сих пор баски, говорящие на своем невероятно сложном, очень древнем языке, резко выделяются среди испанцев, чей язык ближе всего к латыни из современных романских языков.

Те, кого завоевали римляне, сами стремительно становились римлянами. Не случайно же в 213 году император Каракалла издал эдикт, по которому почти все население Империи стало гражданами. Итог ассимиляции был подведен.

Римская империя пала, и те, кто ее завоевал, все эти готы и вандалы, были ничуть не лучше тех, кого поглотила Империя – иберов, галлов и белгов: такие же дикие. Еще в одном они оказывались точно такими же, даже вломившись в Империю: растерянными перед громадностью того, что увидели.

Потому что можно победить армию и на плечах бегущих вломиться в город, нахально объявивший себя вечным. В город, куда вели все в мире дороги, и по этим дорогам свозили награбленное со всего мира. Память народов сохранила, как вандалы срывали с храмов позолоченную черепицу, спутав ее с настоящим листовым золотом, как их вождь Аларих запустил копьем в мраморную статую и на всякий случай убежал от гигантского, в два человеческих роста, белого воина, не дрогнувшего от удара.

Можно вломиться в дома и храмы, вытащить на улицы, прямо в грязь, награбленное за века, по всему миру. С шумом поделить, тыкая немытыми пальцами, обгрызая траур под ногтями. Захватить клин южной, теплой земли, навсегда избавиться от голода, с гарантиями, на века. Все можно – завоевали, твое, володей... Владеть – можно. Не получается тихо, тупо радоваться, без размышления. Не получается гордиться собой, чувствовать себя лучше тех, кого завоевал, чью армию позорно гнал с победным племенным воплем и воем.

Потому что есть соблазн не только в богатствах, скопленных за века государственного разбоя. Не только в теплой, не знающей снега земле, покрытой апельсиновыми рощами. Соблазн таится в самих здешних людях: в их мозгах, поведении, в их отношении ко всему сущему.

Потому что Империя рухнула, но города живут по римскому праву. А победители, может быть, и сделали бы что-то, но понятия не имеют, что надо делать, что такое вообще «города», и почему им самим так неуютно от этого слишком сложного, мало понятного быта, в котором неотъемлемо присутствуют письменность, римское право, космически громадный Бог, странно не любящий жертвы. Бог, который мог бы разметать все человечество одним дуновением своим, но который почему-то полюбил людей и даже умер за них в своем Сыне.

Потому что вокруг, на развалинах когда-то великолепных городов, даже в нищенских деревушках живут люди, для которых свобода – вовсе не светлый идеал и не мечта, а повседневная реальность; то состояние, в котором живет множество людей. Люди, привыкшие стоять не в рядах клана, рода и войска, а стоять совсем одни, сами по себе, перед государством, мирозданием, историей, царем, военачальником, их непонятным, невидимым Богом.

В обществе побежденных власть начальника ограничена; самые униженные, веками согнутые в покорности, люди привыкли, что и самому высокому начальнику можно все-таки совсем не все, чего захочется.

И завоевателям тоже начинает хотеться такого же. Почему?! Он и сам не может объяснить. Жить сложно, быть лично свободным, выломиться из толпы общинников, завернутых в медвежьей шкуры, хочется так же, как хочется смотреть на закат, умыться росой, любоваться красивыми дикими зверями, видеть дальние страны, любить умную добрую женщину. Хочется

потому, что полудикий варвар, оказывается, сам носит в себе такую возможность, такое стремление. Он только не знал, в родных германских ельниках, что он этого, оказывается, хочет.

С вандалами, готами, лангобардами происходило то же, что и с иберами, кельтами, сиканнами, ретами – с теми, кого завоевала Империя: они становились римлянами. Проникаясь духом Великого Рима, вчерашние варвары сами надували щеки, грезя величием цезарей; они еще мечтали об Империи, не ведая, что создали Европу.

После Рима

В 800 году короля франков, завоевавшего почти всю бывшую Империю, Карла Великого короновали как Императора. Последняя попытка восстановить Западную Римскую империю, разумеется, не получилась, и на развалинах построенного Карлом сформировались постепенно страны, известные и теперь: Италия, Франция, Германия.

Впрочем, сам не ведая того по своему невежеству, Карл включил в свою Империю и тех германцев, которые отродясь не жили в границах прежней Римской империи. Руками его рыцарей Европа расширилась за счет саксов, крещенных огнем и мечом. А Шотландия и Ирландия сами приняли христианство, добровольно сделавшись Европой.

И теперь, в X веке от Воплощения Христа, граница Европы проходила по реке Лабе и по узким проливам Скагеррак и Каттегат, отделявшим пока языческую Скандинавию от уже цивилизованного мира.

К XI веку в западном христианском мире окончательно сложилось новое общество – и похожее, и не похожее на римское.

Общественные институты нового общества: университеты, вольные города, система васалитета напоминали Рим не больше, чем всадник на коне – легионера-гражданина.

Это была не единая Империя, прорезанная хорошими дорогами, с одним законом и одним языком. Множество княжеств и королевств говорили на разных наречиях, враждовали, даже воевали друг с другом.

Общество цементировали только три сущности, которые признавали все:

1. Язык – латынь понимали все, и каждый образованный человек должен был знать латынь. Только на латыни писались книги, летописные записи, официальные документы. Латынь учили все, кто хотел быть понятым за пределами самой ближайшей округи. Ведь не было еще ни немецкого, ни французского, ни английского языков. Было множество наречий, диалектов, языков. Они порой очень различались на самом небольшом расстоянии.

В книге Умберто Эко «Имя розы» действие происходит в начале XIV века. В ней есть поразительное место: монашек из Баварии проводит ночь с девушкой из итальянской деревни. Девушку хватают и осуждают на сожжение, как ведьму: кто же, кроме ведьмы, мог проникнуть ночью в монастырь?! Соблазнить непорочного монашка?!

А парень... Ведь он не может говорить с девушкой! Не может даже спросить ее об имени! С монахами из Италии, со своим учителем из Англии, Хьюго Баскервилем, он говорит по-латыни. Но девушка латыни не знает – у любовников на ночь нет общего языка.

2. Римское право. Сложное римское право учитывало много чего и было совершеннее, удобнее бесчисленных «варварских правд». Однако чужое всем завоевателям, приемлемое для всех, оно связывало новую Европу со старым Римом не менее прочно, чем Церковь.

Договор, кстати, в западном христианстве считался делом СВЯЩЕННЫМ. Франциск Ассизский, одолев силой креста страшного волка-людоеда, не убивает чудовище, а заключает с ним договор: если люди будут поставлять волку еду, обещает ли он не нападать на них и на их скот? И волк «принимает договор наклоном своей головы». И договор выполнялся до самой смерти волка, прошу заметить [2. С. 45].

3. Единая Церковь, у которой был один глава – папа римский.

Новым было отношение к труду. Империя презирала физический труд – презренное дело презренных рабов. С XI века западнохристианская церковь стала считать труд необходимым для спасения души. Монахи начали не просто уходить от мира, чтобы созерцать себя и Бога в отдалении от людей. Монахи начали трудиться и считали труд средством спасения.

В античное время горные работы считались проклятием даже для рабов. В рудники ссылали закоренелых преступников, политических врагов, захваченных с оружием бунтовщиков. В рудники продавали самых сильных рабов, и за год-два-три раб, если не убежал с полдороги, превращался в никчемную развалину.

В Европе XI–XIII вв. горное дело поднимали свободные монахи, давая мирянам пример нового отношения к труду. И европейское общество становилось все более активным, трудолюбивым, деятельным.

И все же это общество было очень похоже на римское: практически у всех в Европе была хотя бы частица того, что имели граждане в Риме.

Как и в Риме и Греции, огромное значение имела частная собственность.

Очень большое значение имел не приказ и не традиция, а договор. И договоры между людьми рассматривались как священные.

Человек в Европе воспринимался как отдельная, особенная личность, вне общины и вне государства. Даже если он лично не свободен, он не свободен именно лично, а не как член какой-то группы.

Церковь и учение Церкви имели колоссальное влияние на общество. И Церковь тоже утверждала идею Личности человека. Личность для Церкви была понятием священным. Ведь человек живет вечно, а все государства и империи – временны. Человек, душа которого рано или поздно пойдет к Богу, старше и «главнее» империй, королей и государств – учила Церковь.

Все члены этого европейского общества имели хоть какие-то права, и никакая власть над ними не могла быть вполне безграничной.

Даже замордованные мужики-вилланы имели хотя бы ответ личных прав. Даже по отношению к ним было позволено не все.

Вольные самоуправлявшиеся города, воздух которых делал человека свободным, стали так просто рассадниками идеи личной свободы, рыночных и правовых отношений.

У дворянства – и у высшего, при королевском дворе, и у мелкого, служилого, в глухой провинции, – идея личности была в ряду важнейших.

Рыцарь – вообще-то, означает всего-навсего «Ritter» – «всадник», на тогдашнем немецком, и не более. Точно так же, как старофранцузское «шевалье» от «шеваль» – лошадь. Рыцарская конница была основой армии и в Византии, и в мусульманских странах, и в Индии.

Но только в Европе рыцарь был в первую очередь личностью, носителем идеи личной, персональной чести. Он лично, сам, должен был не только ни в коем случае не ронять свою личную, персональную честь и честь всего своего рода; он должен был еще следить за поддержанием порядка и справедливости в мире.

Можно сколько угодно смеяться над рыцарскими историями про схватки с великанами, чудовищами и драконами, над чудовищным самомнением рыцарства, над их поведением забияк, способных вести себя как мальчишки-хулиганы в возрасте Тома Сойера – «я тебе покажу!». Но как бы ни устарели одни идеи, ни казались странными другие, ни вызывали улыбку третьи, а рыцарь был носителем важнейшей идеи – идеи личности. Личной ответственности, личной совести, личной верности, личного благородства.

Рыцарь или свободный барон не могли жить сами по себе, но и не были подданными графа, герцога или короля. Благородный человек вступал с вышестоящими не в отношения подданного, а в отношения вассала. Это были договорные отношения; вассал и сюзерен договаривались, что они будут делать вместе. Вассал не становился бесправным подданным, зависящим от каприза вышестоящего.

Феодальная, разделенная на множество княжеств, жестокая Европа все-таки не настолько бесправна, как Азия. В ней нет того повседневного рабства... по существу дела, всех. Того рабства, к которому люди привыкают как к естественному состоянию и не понимают, что, вообще-то, может быть иначе.

В XI веке на северо-западе бывшей Римской империи родилось очень агрессивное общество. Не успела родиться Европа, как тут же начала крестовые походы, а немцы – тогда еще полуевропа – начали «натиск на восток» – на славянскую и балтскую Прибалтику. Первый крестовый поход папа Урбан II провозгласил в 1095 году, и до XIV века их состоялось восемь.

На Переднем Востоке больших успехов крестоносцы так и не добились. Восток не принял европейского типа общества, построенного на частной собственности, личной свободе и договоре вместо приказа. Даже то, что удалось завоевать, постепенно оказалось потеряно. В Прибалтике успехи были побольше.

Но Европа постоянно расширялась, включала в себя по крайней мере славянские территории.

Способов было два, они часто применялись вместе:

1. Крещение язычников. Церковь делала новообращенных едиными с остальной Европой. Несла новым христианам идею личности, идею принадлежности к цивилизации.

Язычники, став христианами, постепенно сами становились европейцами.

2. Завоевание, то есть насильственное включение в Европу, как рабов или данников завоевателей.

Европа расширяется

Ирландия и Скандинавия стали Европой через крещение. Саксы – через завоевание и крещение. Славяне... тут есть случаи и крещения, и завоевания. И действует знакомый механизм – кто принял крещение, тот отбил от завоевания и вошел в Европу уже сам.

К XII веку весь германский мир уже оказывается частью Европы, а славянский между XII и XV веками разделяется на тех, кто принял христианство, отбил от завоевателей «Дранга» и построил собственные государства. И тех, кто сам не захотел в Европу и кого повели, потащили, погнали под конвоем, превращая в рабов и онемечивая по дороге. Воистину, понимающего необходимость ведет, не понимающего тащит... на аркане.

Очень интересно и полезно проследить за тем, как Европа ползет на восток, на средневековых картах. По этим картам очень хорошо видно, кого европейцы считают, а кого не считают людьми своего общества. «Европа тогда кончалась границами Польши», – утверждает Н.В. Гоголь. Он не точен: в XV веке граница Европы проходила по восточным границам не Польши, а Великого княжества Литовского, то есть прошла через Россию.

По мнению европейских картографов, в XV веке Западная Русь была уже частью Европы. А Восточная Русь, Московия – не была.

Даже хуже. По мнению картографов, и самого слова «Московия» можно было и не применять. Для европейцев были плохо понятны отношения данничества – когда можно платить дань и не быть частью государства, которому платишь. Европейцы понимали отношения вассалитета: раз Московия платит дань татарскому хану, значит, она его вассал. Значит, не существует никакой самостоятельной Московии, а есть Великая Татария, и Московия – лишь ее часть. И на картах Московию, вполне мотивированно, показывали как Великую Татарию – никак не отделяя от других владений татарских ханов.

И еще того хуже... Московию, вернее, владения татарских ханов, называли Великая Тар-тария. Разница, как будто, в одной букве, но смысл-то меняется чрезвычайно. Получается, что Московия – это Тартар, как бы страна чертей.

Так и продолжалось до середины XVI столетия, когда граница Европы опять существенно передвинулась на восток. В конце XV – начале XVI века Московская Русь перестала платить дань татарским ханам, а торговые пути через Новгород и города Великого княжества Литовского связали Московию с Европой. Русских лучше узнали в Европе; западных русских и веком раньше признавали европейцами, а теперь благодаря им стали так же относиться и к восточным.

И в середине XVI века границу Европы картографы проводят по Волге. Не было случая, чтобы границу Европы географы отодвинули назад, на запад. И что бы ни творилось в Московии почти два столетия, рубеж остается тот же. Еще во времена Петра I Азия начиналась в двухстах верстах от Москвы, а заводы Демидова располагались в самой что ни на есть Азии.

Российская империя становится на цыпочки, изо всех сил хочет быть Европой. Татищев, птенец гнезда Петрова, устраняет обидный географический факт, переносит границы Европы и Азии на Урал. Наверное, многие из моих читателей постарше уже знакомы с системой Татищева: когда граница Европы и Азии проходила по вершинам Урала, разделяя его на две равные части, а потом – по реке Урал до ее впадения в Каспийское море.

Но весь Кавказ – от самых его низких предгорий, от Куры и Кубани, был для Татищева Азией. И все владения Османской империи – тоже. И Крымское ханство, вассал Османской империи, и все владения Турции в Греции и в славянских землях за Дунаем.

Румянцев-Задунайский воевал в Азии. Потемкин отвоевывал берега Черного моря, закладывал Одессу – в Азии.

Мужики переселялись на Кубань и в Ставрополье – в Азию.

Греки боролись с турками за национальную независимость. Российская империя все громче заявляла о своей готовности помочь братьям-славянам освободиться от нечестивых турок. Заявляли и о готовности отвоевать Константинополь, город Великого Константина, крепителя Римской империи.

На рубеже XVIII и XIX веков границу Европы и Азии стали проводить через Босфор и Дарданеллы, а северное побережье Черного моря от устья Дуная до устья Днепра считать тоже Европой. Но еще Александр Сергеевич Пушкин совершил путешествия в АЗИЮ – в Крым и на Кавказ.

Только в конце первой половины XIX века границу Европы стали проводить привычно – по самым высоким вершинам Кавказского хребта, разделяя Кавказ на северный, европейский, и на южный, лежащий в Азии.

Вот эту систему и преподавали в школе еще в 1960-х годах. И автор этих строк, и другие люди столь же пожилые и почтенные, которым за сорок, должны помнить из школьной географии это удобное, простое: граница Европы пробегает по вершинам Урала, по реке Урал, по берегу Каспия, по главным вершинам Кавказского хребта, по Черному морю, по Босфору и Дарданеллам.

Вот потом опять начались сложности: Европа продолжала расширяться. Во-первых, запротестовали Армения и Грузия. Как же так?! Земли почти первобытных мусульманских племен – в составе Европы?! Хаджи-Мурат, Шамиль с его мюридами – европейцы?! А в то же время, получается, Армения, первая в мире страна, где христианство стало государственной религией – во II веке по Рождеству Христову, – часть Азии?! Армения и Грузия настаивают на том, чтобы считать их частью Европы (и как будто не без оснований).

Во-вторых, о своей принадлежности к Европе недвусмысленно заявляет Турция. С XVIII века ее территория, как и территория Российской империи, лежит и в Европе, и в Азии. А турки считают, что уже много десятилетий, даже веков в Турции осуществляется европейский тип развития... По крайней мере с конца все того же XVIII века. В Турции, между прочим, даже выпускаются карты, на которых все Закавказье и вся Турция – Европа. Вопрос только в том, как скоро это новшество признают остальные европейцы. Но что признают, я не сомневаюсь.

А кроме того, с 1960-х годов произошло странное и до конца необъяснимое событие: граница Европы удивительным образом переместилась на восток и на Урале. Мне не удалось найти автора этого открытия, но теперь уже весь Уральский хребет оказался в Европе, а южнее граница проходит по речке Эмбе, «отдавая Европе» еще двести километров.

В 1990-е годы встал вопрос и о статусе Сибири. Раньше это особого значения не имело, но в эпоху ослабления национальных границ, «парада суверенитетов» и «построения европейского дома» – имеет. С одной стороны, Сибирь – это никак не часть Европы, даже если границу проводить и по Эмбе... А с другой – ну какой же Новосибирск – азиатский город, скажите на милость?! И не один Новосибирск. Мой родной Красноярск – совершенно отвратительный город, нет слов. Экологически грязный, населенный процентов на тридцать бывшими уголовниками, он создавался как город большого машиностроения, через который можно качать богатства Сибири, но никак не в качестве форпоста культуры. Жить в нем для культурного человека даже не скучно – попросту душно. И тем не менее – не азиатский это город. Испанцы в Америке тоже строили города с одной целью – извлекать и вывозить в Испанию золото и серебро, какао и хлопок. Но это ведь не делает «индейскими городами» ни Рио-де-Жанейро, ни Мехико, ни Буэнос-Айрес.

Сказанное, конечно же, относится и к Иркутску, и к Чите, и к Хабаровску, и к Владивостоку. Относилось бы и к Харбину, но его русское население уничтожено и разогнано коммунистами в 1945 году. Относилось бы и к Дальнему, и к Порт-Артуру, но их Никита Сергеевич соизволил подарить Китаю. Но к Владивостоку – и сегодня относится, это европейский город.

Путешествие Европы через территорию Российской империи завершается тем, что в документах СБСЕ появляется формула: Европа и Сибирь. Раз уж нельзя пока что считать Сибирь частью Европы – пусть будет чем-то расположенным неподалеку. Уверен, что даже люди моего поколения доживут до того, как формула «и Сибирь» окажется устаревшей, и Сибирь (и русский Дальний Восток) будут молча признавать Европой. А там и на картах покажут.

Разумеется, этим приключения Европы далеко не исчерпываются: и обе Америки, и Австралия, и Южная Африка относятся к Европе точно так же, как Сибирь, и по той же самой причине. Но эта тема далеко выходит за рамки нашей книги, и развивать ее я пока не буду.

Для нашей темы важнее другое: Европа оказалась способной пройти ряд изменений, стадий развития, которых не было нигде и которые изменяли саму Европу. Во многих странах сменялись целые эпохи в культуре, менялся политический строй. Иногда – в сторону большей свободы, иногда – меньшей. Но нигде изменения не происходили постоянно, все время, сплошным потоком. И нигде эти изменения не означали все большего нарастания личной свободы и рационализации всей жизни в целом.

Два типа общества

Боюсь, тут невозможно обойтись без зубодробительных терминов, да уж ничего не поделаешь. Только в Европе аграрно-патриархальное общество постепенно превращалось в урбано-сциентистское.

Аграрно-традиционное общество – это общество людей, живущих общинами и стремящихся поступать так, как делали мудрые предки. Самостоятельная личность у них не в чести, а создавать новые знания о мире они считают не очень нужным. У них уже есть священные предания, Библия, Коран или сочинения Карла Маркса. В них уже содержится все нужное, остается только «правильно» прочитать, чем и занимаются специальные жрецы: священники, жрецы бога Тота, муллы или сотрудники кафедры истории КПСС.

Урбано-сциентистское общество – это общество, в котором главной единицей становится не община и не группа, а личность. И традиция у них менее важна, чем знание. Сциентизм

по-латыни – знание. Общество индивидуальных людей, для которых важна не традиция, а их личный успех. И которые знания о внешнем мире черпают из науки, наблюдений, исследований, а не из опыта мудрых предков, которые и так все знают.

В разных концах мира возникали общества, в какой-то степени похожие на европейские, но только в Европе общество прошло несколько стадий развития от аграрно-традиционного к урбано-сциентистскому обществу.

Средневековое европейское общество было аграрно-традиционным. Не в такой степени, как средневековое общество мусульман или китайцев – но все-таки. Если бы китаец или индус в X, XII, даже в XIII веке попал в Европу – он нашел бы там много знакомого. Те же крестьянские общины внизу, те же корпорации воинов, жрецов, администраторов наверху. Каждый из них, и европеец и китаец, могли бы понимающе кивнуть: да, называется все по-другому и обычаи другие. Но суть – одинакова, везде одно и то же. Разве что горожане уже и тогда жили не совсем так.

Но в XIV веке китаец уже не совсем узнал бы европейское общество. В нем уже было то, чего нет в Китае, – огромное внимание к личности человека, к его способности творить, создавая произведения искусства, вторую природу, уподобляясь Богу в этом творчестве. А европеец счел бы Китай несколько пресным и скучным, не придающим должного значения творческой личности.

В XVI веке разрыв оказался бы еще больше, в XVII он стал таким огромным, что трудно стало понимать друг друга.

Динамичная Европа

Изучая историю любой страны, историки видят постановления правительств, работу общественных институтов и поступки отдельных людей. Но все это – наверху общества. Внизу, у 90, а то и 99 % населения, сохранялась крестьянская община.

Не к этим 90 % обращены указы императоров и призывы философов. Не эти люди заняты духовными исканиями и завоеваниями других стран, реформами системы управления и строительством новых механизмов.

Поэтому мы постоянно изучаем историю в лучшем случае 10, а то и 1–2 % населения страны. Остальные – это подножие богатой, образованной верхушки. Они выращивают хлеб и пасут скот, строят города и крепости под руководством инженеров, архитекторов и чиновников.

В Европе было так же, но в ней и крестьянин не был частью общины. На землях Римской империи общин не было с момента завоевания. В Германии община распалась к XIII столетию. В Скандинавии – к XIV. Любая проповедь, любой духовный переворот касались в ней всего общества.

Европа постоянно изменялась, и изменялась вся, полностью – от крестьянских изб до королевских дворцов. Европа в ней все время теснила Азию, потому что все время получали новые и новые права те, кто их раньше не имел.

С каждым годом жить в Европе становилось все удобнее и безопаснее, потому что законы и обычаи придавали все большее значение личности каждого человека. Все важнее становилось соблюсти интересы не только правителя и его окружения, не только верхушки общества, но каждого или почти каждого человека.

Чаще всего в развитии культуры Европы выделяют давно и хорошо известные этапы:

Возрождение – XIV–XVI века.

Реформация – XVI–XVII века.

Просвещение – XVII–XVIII века.

Индустриализм – самый конец XVIII, весь XIX, самое начало XX века.

Но все это деление очень условно, крайне относительно. Ведь в действительности идет единый поток событий, стремительные изменения и культуры общества, и внешних форм общежития. В одних странах какой-то этап наступил, а в других его нет. В Италии XIII века уже наступает Возрождение – а в Германии им еще и не пахнет.

Одни страны Европы проходят какой-то этап развития, а другие еще не проходят. Скажем, Англия, Голландия и Скандинавия стали протестантскими – а в Польше, Франции и Италии сохранился католицизм.

История всегда сложнее схемы.

Глава 2

ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Русские – азиаты в Европе, но европейцы в Азии.
Мадам де Сталь

*Умом Россию не понять,
Аришном общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.*
Ф. Тютчев

На протяжении всей истории человечества много раз какие-то страны или группы стран вырывались вперед, а остальным народам и государствам приходилось их догонять. Так было и на Западе, и на Востоке. Это и называется «догоняющая модернизация».

В истории можно найти множество примеров такой догоняющей модернизации, когда народ вынужден был догонять того, кто резко вырвался вперед.

Догоняющая модернизация означала ломку привычного, пришедшего от дедов-прадедов, разрушение священных устоев. Что особенно мучительно: приходилось перенимать то, что несли с собой враги, а то и прямые завоеватели. За считанные поколения изменялся образ жизни и культура народа, а порой даже его религия и язык.

Так было уже в эпоху Великого Рима, когда странам и народам Средиземноморья и Европы волей-неволей приходилось догонять античную культуру, заимствовать у римлян и технику, и общественные отношения.

А что оставалось делать галлам и иберам, если культурное превосходство Рима было совершенно подавляющим?! Выход был только один: освоить римскую премудрость и начать бить римские легионы их же оружием... Что они вскоре и сделали.

Европа – это такое динамичное общество, такой успешный вариант решения общественных проблем, что весь остальной мир оказался менее успешным. При столкновении с Европой любое общество проигрывало – в том числе и при ведении военных действий.

Так было и в XIII, и в XV веках.

В XVII–XVIII веках, в век Просвещения, в некоторых странах Европы жизнь начинает изменяться с огромной скоростью. В Англии, Северной Франции, Голландии, странах Скандинавии все более властно заявляет о себе рыночная экономика... Положение людей в обществе окончательно начинает различаться по их богатству и по возможности заработать, а не по знатности рода, по уровню образования или по их угодности Богу.

В экономике стремительно растет роль промышленности и торговли.

Рациональный, основанный на науке подход к жизни все больше утверждается как норма, а традиция все менее важна.

Церковь отделяется от государства, а школа от Церкви.

Из-под контроля Церкви полностью выходят наука, искусство, образование.

И раньше, в разных обществах Востока, бывали подвижки в эту сторону, но не такие сильные. Теперь же, в XVII–XVIII веках в Англии, Северной Франции, Голландии, странах Скандинавии рационализация отношений человека с природой и людей в обществе друг с другом идет постоянно, ускоренно и непрерывно. Этот процесс и стали называть модернизацией [3] – так, словно других модернизаций и не было.

Эта модернизация сделала передовыми кучку стран северо-запада Европы, а весь остальной мир поставила перед необходимостью догонять.

Аршин, который выстругала Россия

Да, весь мир! Океанские корабли позволили создать систему мирового хозяйства; в этой системе страны первичной модернизации заняли особенное место – центра этой хозяйственной системы. Они всегда могли предложить другим народам такие товары, которых не было никогда и ни у кого. А кое-где уже складывается система прямых колониальных захватов... Рождался колониализм.

Все народы мира оказываются перед необходимостью догоняющей модернизации. Или они смогут догнать западные страны, или они попадут в зависимость от англичан и голландцев. Такой вызов брошен и народам, живущим на периферии Европы, – немцам, полякам, испанцам... наконец, и русским.

Немцы и поляки не относятся к числу народов первичной модернизации, но их модернизация захватила раньше и сильнее, чем Московию. К XVII веку в Московии не только англичане, шотландцы, голландцы и французы, но и немцы выступают как европейцы, как носители модернизации.

Весь мир догонял по крайней мере до середины XX века. Догоняют порой и сегодня. Эта догоняющая модернизация XVII–XX веков определила судьбу и стран – колониальных паразитов, и всех, кто оказался под их пятой. Сопrotивление колонизаторам, попытки избежать модернизации, результаты модернизации – вот что определяло судьбы земли в течение трех столетий и что сделало мир таким, каким мы его знаем.

Россия XIX века никак не вписывалась в собственные представления о мире. Она – Европа... Но не совсем. Азия? Тоже не совсем... «Европейцы в Азии и азиаты в Европе» – это точнее всего. Географическая граница Азии и Европы причудливо проходит через территорию Российской империи... Но мы уже говорили – грань Европы и Азии проходит не по земле, а по границам общественного устройства. Она идет по мозгам и душам, по сознанию людей, через границы общественных групп и сословий, даже через группы случайных людей, помимо своей воли разделенных на «европейцев» и «туземцев».

Но ведь в точно таком же положении в XVII – начале XX века находились и все остальные народы – от Германии до Африки.

В наше время «социология развития», изучение стран, находящихся в процессе модернизации (Южная Азия, Южная Америка, Африка), – важное и очень полезное практически направление в западной науке.

Социология развития – вот «аршин», который применим к Российской империи XVIII–XX веков. Но этого «аршина» и впрямь не было тогда, во время самых драматических событий. По мнению многих ученых – и западных, и отечественных, – Россия оказалась первой в истории неевропейской страной, которая подверглась модернизации.

Она-то и «выстругала» научный «аршин», который сегодня прилагается ко множеству стран и народов.

Глава 3 ПЕРВЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ МОСКОВИИ

Западные страны модернизировались в целом, всей системой, переходя от эпохи к эпохе, успевая «просветиться» до низов, до санкюлотов, и поэтому не было надобности повторять пройденное.
Г.С. Померанц

Русские европейцы XVII века

Усилиями множества людей «допетровская Русь», Русь XVI–XVII веков, ославлена как дикая страна с первобытными нравами, нелепая, жестокая и тупая. Зачем и кому это нужно, мы еще будем говорить. Подробно о русском XVII веке я рассказываю в другой книге [4], а в этой позволю себе быть кратким. Так вот: все это неправда.

«Допетровская Русь» – Московия XVII века – была страной европейского типа развития. Не в такой степени, как Швеция или Польша, даже не как Пруссия или Курляндия, – но все же. И весь XVII век в Московии происходила модернизация!

Для того чтобы страна смогла модернизироваться, необходимы два условия:

1. Чтобы в стране становилось все больше свободных людей. Людей, свободных от власти и общины, и государства (тех самых, неслужилых и нетяглых). Чем больше тех, кто не входит в общину, в большую семью, не зависит от государства, тем страна более модернизирована.

2. Чтобы в стране развивалось городское хозяйство: промышленность, торговля. Необходимо разделение труда, и чем больше специальностей в хозяйстве, тем страна более развита.

Получается, что чем разнообразнее работает и живет и чем свободнее ее народ, тем он более развит, культурен, прогрессивен, цивилизован... выбирайте любой термин, который вам больше понравится.

Но ведь весь XVII век в Московии происходили именно такие события! Все московитское общество кардинально менялось всю вторую половину XVII столетия. Во времена правления Алексея Михайловича (1645–1676), царя Федора Алексеевича (1676–1682) и правительницы Софьи Алексеевны (1682–1689) нарастало число свободных людей, усиливалось городское хозяйство.

Московитское общество

С легкой руки В.О. Ключевского, все «допетровское» общество названо «тяглым». Действительно, Судебник 1495 года знает только два класса людей: служилые и тяглые. Тяглые работают на государство и служилых, служилые служат все тому же государству. И так же не свободны, как тяглые.

Но общество XVII века – уже вовсе не тяглое, оно гораздо сложнее. Соборное уложение 1649 года знает три основных класса общества: служилые люди, уездные люди и посадские люди. Духовенство имело совершенно особые права и обязанности, и получается – общество в Московии делилось на четыре сословия.

По всей стране раскидано примерно 80 тысяч церквей и церквушек, и в каждой из них есть священник, есть дьякон, а если церковь богатая, то есть и церковный служака.

Монастырей в Московии тоже много, и при частых недородах, катаклизмах и общественных бедствиях число монахов и монахинь увеличивается – людям становится нечего есть, а монастыри всегда были местами, где можно спасти не только душу, но и тело.

В результате из то ли 12, то ли 14 миллионов московитов тысяч двести относится к духовенству.

Внутри трех основных сословий выделяется множество более мелких групп, порой очень различных, и тоже не все тянут тягло (например, бобыли – то есть крестьяне, не наделенные землей, батраки).

Между сословиями, по выражению В.О. Ключевского, оставались промежуточные, «межеумочные слои», которые «не входили плотно в их состав... и стояли вне прямых государственных обязанностей, служа частному интересу» [5. С. 543].

Перечислю эти неслужилые и нетяглые группы населения.

1. Холопы, которые очень не одинаковы. Существуют «вечные» холопы, то есть фактически почти что рабы.

Но кроме вечных, существуют еще и холопы на время, жилые холопы. Это люди, идущие в услужение к кому-то и пишущие на себя «кабальную запись», и потому их называют еще и «кабальными» холопами.

Кабальное холопство – личное и пожизненное, и со смертью своего владельца холоп становился свободен.

Холопы не служили и не несли государева тягла.

2. Вольно-гулящие люди, или «вольница»: люди, которые не находились в зависимости от частных лиц и в то же время не были вписаны в государевы тяглые волостные или посадские общины. Таких групп несколько; это или маргинальные элементы, или люди, по какой-то причине не захотевшие или не сумевшие наследовать отцовское ремесло и вместе с ним – место в обществе:

поповичи, не пошедшие служить;

дети служилых, не «поверстанные» поместьями;

дети подьячих, не поступившие на службу;

дети посадских и волостных тяглецов, не вписанные в тягло.

Сюда попадали отпущенные на волю холопы, посадские и крестьяне, которые бросили свое тягло и свое занятие; служилые люди, бросившие свои занятия; промотавшиеся и потерявшие поместья служилые; нищие по ремеслу.

А также наемные рабочие, бродячие музыканты и певцы, нищие и калики перехожие.

3. Архиерейские и монастырские слуги и служки: класс, включавший лиц очень различного положения. Церковные служки были скорее холопами, принадлежащими церкви, а не частным лицам, и, конечно же, ни земель, ни зависимых людей не имели.

Слуги, которые служили по управлению церковными делами, получали земельные участки, иногда очень обширные, и тогда становились чем-то вроде помещиков, только у церкви, а не у государства.

4. «Церковники». Это дети духовенства, ждавшие или не сумевшие найти себе места, кое-как кормившиеся около своих родителей или родственников; или это вполне взрослые безместные попы. Обычно они или старались заняться какой-то торговлей и ремеслом (тогда они по своему положению сближались с посадскими людьми), или поступали в услужение и тогда становились похожи скорее на холопов.

Интереснейшая цифра: в XVII веке в Московской Руси живет не меньше четвертой части **НЕТЯГЛЫХ** и **НЕСЛУЖИЛЫХ** людей (если считать с духовенством). Людей, находящихся вне феодальной системы.

И крестьяне в Московии вовсе не все «крепки земле», в ней живут полтора миллиона свободных сельских обывателей – черносошных крестьян.

Служилых – не меньше 300 тысяч. Итого: из 12 или 14 миллионов населения не меньше двух – двух с половиной миллионов лично свободных людей. 15–20 % населения.

Это в стране, которая, казалось бы, должна до мозга костей быть пропитана холопством и где, по официальной версии, вообще нет и быть не может свободных людей.

Какой пестрый общественный состав, сколько в обществе групп, которые различаются по своим правам и обязанностям, по степени своей свободы и по богатству. А ведь чем больше внутреннее разнообразие общества – тем больше потенциал его развития!

Государство Московии

Государство Московии постоянно объявляли и объявляют совершеннейшей восточной деспотией. Это попросту неверно, потому что государство в Московии опиралось на самые широкие слои общества.

А как же чудовищные по жестокости казни, устрашающие подавления восстаний?!

Во-первых, общество было не менее жестоким. Государство не творило большего насилия, чем было обычно для людей.

Во-вторых, давайте возьмем страну – колыбель парламентаризма, светоч демократии – Британию. В XVII веке в ней существовал обычай – врагов короля рассекали на части, и куски уже начавших припахивать трупов рассылали по разным областям королевства. Чтобы все смотрели и ужасались.

По части же управления государство постоянно опиралось на народ. И налоги, например, собирали выборные люди от крестьянских и городских общин и потом уже передавали чиновникам.

Да и вообще – начиная с 1613 года общество учреждало высшую в нем власть – власть царя.

Никогда за всю историю Британии парламент этой страны не УЧРЕЖДАЛ новую династию, и никогда не было официально признано, что парламент выбирает или парламент приглашает на место британского монарха нового короля.

А вот Земский собор делал то, чего не делал ни один парламент: выбирал нового царя. Соборы 1598 и 1613 годов носили УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ характер!

А ведь избрание царя, после того как в 1598 году пресеклась династия Рюриковичей по прямой мужской линии, было событием и судьбоносным для страны, и драматичным, повлекшим за собой множество маленьких трагедий.

Начнем с того, что имелось огромное число претендентов на престол, в общей сложности до тридцати. В числе претендентов были такие национальные герои, как Д.М. Пожарский, о котором сказано: «Воцарялся, и стоило это ему в двадцать тысяч».

«Воцариться» пытались и такие известные аристократы, как князь Д.М. Черкасский, П.И. Пронский, И.В. Голицын, а князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, признанный казачий вождь, «учреждаше столы честные и пиры».

Все – «природные» князья, и все с толикой крови Рюрика в жилах, имеющие формальные права на московский престол. Все – имеющие патриотические заслуги времен Смутного времени. И что характерно – между этими претендентами развернулась самая настоящая, вовсе не бутафорская предвыборная баталия.

На московский престол мог претендовать польский королевич Владислав – он был вполне законно избран царем в 1606 году. До Смоленской войны 1632–1634 годов Речь Посполитая не считала законным избрание на престол Романовых и считала законным Владислава: до июня 1634 года, когда он официально отказался от претензий на трон Московии.

Другой иностранный претендент – шведский принц Карл Филипп. Боярская дума предложила ему царский венец, но с условием: перейти в православие и соблюдать обычаи страны. Карл Филипп отказался.

Династия Романовых была избрана вполне демократически, с соблюдением многих процедур, включая «запись», сделанную избранным царем Михаилом Романовым: править строго по законам.

И потом династия правила сама по себе, только пока ни у кого не возникало сомнений, кто должен прийти на смену кому. Земля выбирала царя всякий раз, когда возникала сложная династическая ситуация: например, после смерти Федора Алексеевича, когда страну разорвала склока Милославских и Нарышкиных.

В частности, и потому Петр – не законный, в лучшем случае полузаконный царь, что его никогда не избирал Земский собор. А принцип, согласно которому в спорных случаях царя избирает Земский собор, уже успел утвердиться.

Вот **УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА** действительно никто никогда не видел ни в Британии, ни во Франции, и в этом смысле Земский собор – даже более солидный, более фундаментальный институт народного представительства. Британский парламент однажды распорядился престолом – отдал корону Британии Ганноверскому герцогу...

Но это было со стороны парламента не осуществлением законных полномочий, а закулисной сделкой, к которой основное число избирателей не имело никакого отношения (а уж тем более не имели отношения 98 % британцев, которые не избирали парламент).

А ведь все это свидетельствует об очень демократическом политическом строе Московии: высшим, учреждающим всякую власть органом оказывается Земский собор, представляющий самый широкий круг населения!

Земские соборы собирались 58 раз за XVII век.

Во-первых, во всех трудных случаях международной политики. Скажем, в 1616 году Владислав даже разослал по Московии «окружную грамоту» – напоминал о своем избрании на московский престол и сообщал, что избрали-то его малолетним, а вот сейчас он вырос и намерен идти добывать себе престол.

9 сентября 1618 года Земский собор заявил, что страна будет стоять за православную веру и царя великого государя Михаила Федоровича «без всякого сумнения», «не щадя животов».

Или вот, захватили донские казаки Азов и шлют в Москву за помощью. Дать помощь? Да хлопот с Турцией не оберешься... Азовский собор 1642 года приговорил: помощи не посылать!

Второй случай, когда собирали Земский собор: для создания законодательства. «Соборное Уложение» 1649 года так и названо потому, что Собор 1648 года полностью был посвящен такому важнейшему документу, как самый полный свод законов Московии.

Причем опирался Земский собор не на меньший, а на больший процент населения, чем парламент в Британии. Не ведаю, откуда взялась современная российская байка про то, что парламент непременно представляет **БОЛЬШИНСТВО** населения?! Это справедливо разве что для XX века. Только в 1929 году все существовавшие до тех пор ограничения по «имущественному цензу» отменялись; вот тогда действительно почти все взрослые британцы стали выбирать кого-то в парламент.

Причем как раз после Первой мировой войны значение парламента резко убывает, и получается – большинство получило доступ к участию в уже потерявшем свое значение политическом институте.

А вот в эпоху расцвета и всевластия парламента, в XVIII–XIX веках, лишь **МЕНЬШИНСТВО** нации выбирало и тем более могло быть избрано. Причем значительное меньшинство.

Даже в 1840–1850 годы не больше третьей части взрослых мужчин-британцев могли выбирать своих представителей в парламент.

В XVII же веке всего 2 % британского населения имело «активное избирательное право», то есть право выбирать в парламент своих представителей.

В годы, когда шли Земские соборы на Московской Руси, в Британии 2 % населения издавало законы, по которым жили все 100 %. 98 % населения подчинялись 2 % – такая вот «демокрейшен».

В состав же Земских соборов входили три элемента:

«освященный собор» из представителей высшего духовенства;

Боярская дума;

представители служилого и посадского классов и чернососных крестьян (обычно около 300–400 человек).

Первые два элемента – прямой аналог «палаты лордов», в которую на наследственной основе входила высшая феодальная знать Британии. Но тоже с большим преимуществом московитской системы!

В Боярскую думу, при всех ее несовершенствах и при системе местничества, при Алексее Михайловиче входило 5 бояр, не принадлежащих к знатным феодальным родам, и, кроме того, 5 думных дворян и 4 думных дьяка. Итого из 60 человек 14 имели вовсе не аристократическое, а самое «демократическое» происхождение.

В XVII веке ненаследственные лорды были единичны; гораздо более редки, чем думные дьяки в составе Боярской думы.

Ну, и в чью пользу различия?

Если же говорить о представителях «черного народа», земли, то и опора таких депутатов шире и демократичнее, чем в парламенте. Своих представителей в Земский собор выбирали все служилые люди, все посадские люди, все чернососные крестьяне.

Конечно, не выбирали своих представителей владельческие крестьяне, холопы и «вольница». В Британии ведь тоже ни рабы, ни пираты не имели своих представителей в парламенте. Справедливости ради: лично несвободных людей на Руси было несравненно больше, чем в Британии. Выбирало на Руси тоже меньшинство, но получается, что в Московии на Земский собор выбирали представителей примерно 5–6 % населения – существенно больше, чем в Британии.

Не буду спорить, что лучше – Земский собор или парламент.

Но вот факты:

1. Большой процент населения Московии избирал Земский собор, чем британцев – парламент.

2. Земский собор решал больший круг и более важных вопросов, чем парламент.

3. Правительство Московии больше доверяло своему народу и более опиралось на него, чем правительство Британии.

4. Рядовой человек в Московии имел больше возможностей сделать политическую карьеру и участвовать в принятии решений, чем британец.

5. В XVII веке больший процент московитов был субъектом права, нежели процент британцев.

Поэтому я утверждаю: Московия XVII века является довольно демократическим европейским государством. Общество в Московии учреждает свое государство, власть постоянно спрашивает мнения общества по сколько-нибудь значимым вопросам. Общество вырабатывает основные законы.

Завершение модернизации

Весь XVII век шла модернизация Московии. Изменялись и общество, и государство. С 1613 по 1689 год Московия прошла огромный путь и была вполне готова вступить в европейскую семью народов.

Первое: ее экономика все больше организовывается на капиталистических принципах.

В Московии конца XVII века свободное крестьянство Севера все больше становилось слоем свободных сельских бюргеров, по образцу даже не Германии, а стран Скандинавии. Они носят бороды, косоворотки и сарафаны (точно так же, как шотландцы – мужские юбки-килты), но это нисколько не мешает им быть свободными гражданами, вольно владеющими собственностью и строящими собственную жизнь по своим понятиям и традициям. А европейский путь развития именно в этом ведь и состоит.

Поморы – это вообще русские европейцы, и вели они образ жизни, очень напоминавший образ жизни норвежцев – то же сочетание сельского хозяйства, в котором основную роль играло скотоводство, и мореплавания, рыболовства, добычи морского зверя.

Еще более буржуазные традиции складываются на Волге, где крепостное право было слабо, а отношения вольного найма – обычнейшим делом. Тут феодальный уклад уходит в прошлое очень легко и быстро, уже к началу XVIII столетия.

Ведь промышленность и торговля развиваются на основе договоров, вольного найма, свободного движения капиталов, товаров и рабочей силы. Уже возникали «товарищества» и «кумпанства», объединявшие капитал купцов. Русские купцы объединяют капиталы не анонимно, в виде акционерных обществ, а складывая капиталы семейных фирм (как это делали купцы в Персии, Японии и Китае). Такая форма менее подвижна, чем акционерный капитал, менее динамична, нет слов, но это тоже путь к капитализму.

И даже на основной территории Великороссии все в большей степени укрепляются города, обзаваются не фиктивными, на бумаге, а самыми реальными правами.

Государство все больше выходит из управления хозяйственной жизнью, и даже города Великороссии начинают управляться по-другому. Да, в этих городах нет ратуши, а выборный голова так и называется «головой», а не мэром; точно так же, как и совет называется советом или думой, а не магистратом. Но посадские все больше напоминают европейских горожан, потому что живут в мире рыночной экономики и потому что государство практически не вмешивается в хозяйственную и общественную жизнь.

Экономический подъем конца XVII века таков, что в 1682–1689 годах в одной Москве было построено 3000 новых каменных домов. Для сравнения – за 36 лет правления Петра – 100 каменных домов в Москве.

Флот? В нескольких местах по Оке и по Волге строились каспийские бусы: огромные суда с водоизмещением до 2 тысяч тонн и длиной по палубе до 60 метров.

В Холмогорах строились кочи – океанские суда с килем, палубой, фальшбортом, двумя мачтами с системой парусов. Эти суда могли выходить в открытый океан и находиться там недели и месяцы; они полностью отвечали всем требованиям, которые предъявлялись в Европе к океанскому кораблю.

Размеры? От 14 метров от кормы до носа и вплоть до 22–23 метров. По классификации, разработанной в Лондоне страховым агентством Ллойда, коч – это «северная каракка», ничем не хуже других разновидностей.

Для сравнения – ни одна из каравелл, на которых Колумб доплыл до Америки, не имела водоизмещения больше 270 тонн. Галеоны, на которых вывозились богатства Америки в Испанию, имели водоизмещение от 800 до 1800 тонн, и лишь немногие из них достигали размеров каспийского буса.

Водоизмещение большинства торговых кораблей Голландии и Англии, в том числе ходивших в Индию, Америку, на остров Ява, не превышало 300–500 тонн. На этом фоне даже коч, поморская лодия, водоизмещением до 500 тонн, весьма мало отличался от европейских кораблей по размерам, а каспийский бус их значительно больше.

Поморы регулярно плавали вдоль всего Мурманского побережья; огибая самую северную точку Европы, мыс Нордкап, добирались до Норвегии и лихо торговали с норвежцами,

причем продавали готовую промышленную продукцию – парусное полотно, канаты и изделия из железа. А покупали сырье – китовый жир и соленую рыбу. В 1480 году русские моряки попали в Англию и после этого посещали ее неоднократно.

Считается, что английский моряк Ричард Ченслер в 1553 году «открыл» устье Северной Двины, Архангельск и Холмогоры. Он был принят варварским царем Иваном IV и погиб во время кораблекрушения в 1555 году, возвращаясь из второго плавания.

Не буду оспаривать славу британских моряков. Позволю себе только добавить, что поморы тоже «открыли» родину Ричарда Ченслера и были приняты его... цивилизованными сородичами – за 70 лет до того, как Ченслер «открыл» их самих. А в остальном – все совершенно правильно.

И таких кораблей на Русском Севере в XVII веке действовало одновременно несколько сотен!

Такой рост экономики могли обеспечить только свободные люди; их число все время прибывало.

А правительство поддерживало линию развития свободы, самоуправления, динамичной буржуазной экономики. Реформы, которые успел провести Федор Алексеевич, целиком направлены именно на это.

Еще более радикальные реформы планировал могущественный временщик, любимый мужчина царевны Софьи – Василий Васильевич Голицын. По его планам, армию следовало окончательно сделать профессиональной, служилым людям платить жалованье, крепостное состояние отменить, а рабство запретить.

За эту реформу стояла армия Федора Алексеевича и значительная часть служилого сословия, а стоило ее провести, и к началу XVIII века России предстояло стать страной, где уже не четверть населения была неслужилой и нетяглой, а большая часть населения.

Общество в такой «России Голицына» устроено было бы почти так же, как в Пруссии или в Мекленбурге – то есть в восточных германских землях.

А самое главное – реформа Голицына стала бы концом крепостного права в России. Что значит, во-первых, колоссальный толчок экономическому и общественному развитию. Ведь вольные крестьяне будут внедрять новые культуры, придумывать новые способы обработки земли, создавать предприятия по переработке своей продукции, отходить на различные промыслы...

Если бы «линия Федора – Голицына» была выдержана хотя бы лет двадцать, Архангельск, Холмогоры, Астрахань стали бы богатейшими капиталистическими городами. Скорее всего, когда-нибудь и биржи в них начали бы действовать (как построили в Петербурге в начале XIX века), но был бы какой-то период до бирж, когда купцам были бы удобнее семейно-дружеские «кумпанства».

А во-вторых, в России никогда не сложилось бы крепостного права в тех ужасных формах, которые сложились ко времени Екатерины II. Не будет утопленных новорожденных младенцев и борзых щенков у женской груди, посаженных на цепь и запоротых насмерть, не будет шеренги невест и женихов, строем идущих в церковь. Не будет этого ни в русской истории, ни в психологии народа.

И если уж мы о народной психологии – пусть не сразу, но вольный русский крестьянин, свободный посадский человек, защищенный от произвола и законами, и своим пусть относительным, но все же благополучием, неизбежно станет не «холопом», а «господином». Ведь и во Франции далеко не все были магнатами и владетельными князьями, но любой мужик в самой жалкой и забитой деревне был «месье», а его жена была «мадам».

Реформа Голицына – это еще и рост самоуважения огромной массы людей, по существу – всего народа. Это другая общественная психология, другой общественный климат.

Короче говоря – Московия в XVII веке была совершенно обычным государством «догоняющей модернизации», и проводила ее очень успешно. Завершение модернизации, становление в стране обычного европейского общества светило в самые обозримые сроки. Причем не внешней европеизации дворянства, при сохранении рабства всех остальных, а последовательной модернизации всего народа. То есть служилые, конечно, окончательно становятся обычной европейской армией, зауряднейшим европейским чиновничеством. Министерства вполне могут и дальше называться Приказами, а некоторые роды войск стрельцами: это ведь ничего не меняет.

Точно так же и страна остается, скорее всего, разделена на уделы или, скажем, появляются еще и воеводства (как в современной Польше). Но управление уделами и воеводствами все больше передается на места, идет нормальная децентрализация управления.

Так же и с названием страны. Вряд ли Софья захотела бы назвать страну «империей». Московия, Татария, Тартария... Да, это уже отжило свое. Тем более присоединение Малороссии, претензии на Галицию заставляли говорить о стране, управляемой Романовыми, как обо всей России... Ну, и назвали бы страну Россией, без амбиций стать новым Римом и не пугая соседей.

Скорее всего, европеизация служилого сословия произошла бы даже быстрее, чем в нашей реальности, при Петре и после Петра. Очень может быть, сохранился бы навсегда или по крайней мере надолго сохранился бы обычай раздельного участия мужчин и женщин на пирах, хождения в гости не парами, а супругов по отдельности, мужчин к мужчинам, женщин – к женщинам. Ну и что?

В современной Индии даже если приезжают и собираются семейные пары, все равно мужчины и женщины образуют разные, почти не смешивающиеся группы. Это почему-то не мешает индусским физикам получать Нобелевские премии, а индусским предпринимателям заваливать мир тканями, посудой и металлическими изделиями.

Точно так же и в России вполне могли сохраняться свои, местные обычаи. Никому ведь и ничему не мешали все милые народные обычаи, сметенные волной поверхностной, чисто внешней европеизации. Россия вполне могла модернизироваться, сохраняя их в полноте или почти в полноте.

Очень может быть, семейные кланы перестали бы решать судьбу своих молодых членов даже раньше, не в конце, а в середине XVIII века, – при полном сохранении всех народных обычаев и традиций.

После Петра модернизация шла на 90 % в среде дворянства, а весь остальной народ был только подножием этого элитного процесса. Все черты, сближавшие народную среду с европейским миром, были уничтожены Петром и преемниками Петра.

До сих пор речь шла о том, что могло быть, если бы не было петровского погрома, а все шло бы по-старому – в 1690—1700-х годах так же, как и в 1670—1680-х...

Такая «Россия Софьи», «Россия Голицына» вырисовывается как обыкновенная европейская страна, безо всякой экзотики, ставящей ее вне цивилизованного мира. Со своими национальными, религиозными и культурными особенностями, но совершенно безо всяких устрашающих отклонений.

Миф о Петре

Эпоха Петра – время жесточайшего разрыва культурной традиции Руси. Уничтожение всего, что накапливалось почти столетие. Эта эпоха вместила многое. Я написал о ней особую книгу, к которой и отсылаю заинтересованного читателя [6].

Здесь я буду краток и просто скажу, не доказывая: все личное величие Петра, все проведенные им реформы: армии, флота, государственного управления, культуры – как правило, полнейшая фикция.

Мы до сих пор очень искаженно представляем себе Московию XVII века. А она была: с рейтарскими полками, Земскими соборами, портретной живописью, высадкой солдат генерала Касогова на Южном берегу Крыма и тремя тысячами каменных домов на Москве.

Впрочем, перечислять долго, и неизвестно, все ли мы знаем о ней. Ведь слишком долго эту Россию XVII века замалчивали, рассказывая сказки о том, из какого мрака вытаскивал страну долговязый царь с крохотной головой, меньше собственного кулака, и безумными глазами маньяка.

Историки тоже находились под властью догм. С.М. Соловьев вообще не видел никакого развития в Московии. В.О. Ключевский упорно говорит о «чисто тяглом» обществе Московии XVII века... Хотя приводимые им же самим факты и цифры неопровержимо свидетельствуют: нет, общество Руси этого времени уже вовсе не «чисто тяглое». Оно сложилось как тяглое в XIV–XV веках, оно оставалось тяглым в XVI столетии... А вот век от Рождества Христова XVII состоялся на Руси как век великих потрясений и «шатаний» всех традиционных устоев, «всего привычного строя жизни и национального сознания» [7. С. 219].

Я лично вижу тут только одну закономерность: достаточно признать, что весь XVII век шла ломка традиционного уклада, труднейший отказ от привычных стереотипов, пересмотр всего национального сознания – и тут же не оказывается места для Петра. В смысле, не остается для него того места, которое отводит этому человеку традиционная российская историография. Где он, «великий реформатор», если «его» реформы шли сами собой целое столетие до него? В чем ценность проделанного им, если Россия вскинулась на дыбы не по его воле, а сама собой, в силу исторической необходимости, и чуть ли не за век до Петра? Что он сотворил столь важного?

По-видимому, сохранить лилейное отношение к Петру и его реформам для историков поколения В.О. Ключевского столь необходимо, что им просто «приходится» не замечать и никак не анализировать того, о чем они сами же пишут. Пусть Московия XVII века остается чисто тяглой, сугубо средневековой, до невероятия дикой... чтобы потом ее просветил Петр; чтобы было откуда ее вытаскивать. И чтобы оправдать все преступления Петра и все жертвы, понесенные несчастной страной.

Идеологические догмы два века застали от нас реальность, что поделаешь! Но нельзя же, увидев свет, отречься от него только потому, что раньше был слеп?

Глава 4

ПЕРЕВОРОТ ПЕТРА И РАСКОЛ НАЦИИ

*Одни интеллигенты разумом пользуются, другие ему
поклоняются.*

Честертон

*Да, он грустит во дни невзгоды,
Родному голосу внемля,
Что на два разные народа
Распалась русская земля.*

Граф А.К. Толстой

– Мы даже не представляем, чем обязаны великому Петру! – прижимала к пухлой груди ручки некая сановная дама на праздновании 300-летия Петербурга.

В определенной степени она права: но только обязаны мы ему не флотом и не современным управлением, не дорогой в цивилизацию, даже не Петербургом. Петербург в планах Петра ничем не напоминал город, построенный в 1760–1830 годы. По его планам это было то ли подобие Москвы, сходящееся к Петропавловской крепости (как улицы Москвы сходятся к Кремлю), то ли причудливый гибрид между Венецией и Амстердамом.

Россия обязана Петру кое-чем другим: попыткой воплотить в жизнь утопию «регулярного государства». Эти «реформы» Петра дорого обошлись москвитам: за годы его правления население Московии уменьшилось на, по разным расчетам, 20–25 %.

Но еще больше мы обязаны Петру чудовищным расколом нации на два почти не связанных друг с другом народа. Последствия этого деяния и правда определили судьбу России на двести лет вперед, на весь Императорский период. Порой последствия аукаются и до сих пор.

Реально Петр совершил только три важнейших деяния:

1. Невероятно усилил государство и уничтожил все группы людей, которые были от него независимы.
2. Невероятно упростил общество и подчинил его государству.
3. Расколос общество на две части. Вот эти-то последствия его правления сказываются до сих пор. Благодарить ли за это Петра?

Усиление государства

Много разных групп служилых людей – до 30. Дети боярские московские и дети боярские городовые, дворяне служилые и дворяне по отчеству, подьячие и окольные городовые, бояре верхние и думные дьяки... Всех перечислить невозможно.

Все эти группы служилых людей при Петре упразднились и сводились в единое сословие. Называли его и шляхетством и дворянством, пока не установилось окончательно одно название – дворянство.

Все дворянство обязывалось служить с 15 лет и до смерти либо полной дряхлости. С его времени повелось «знатное дворянство по годности считать». Негодность по богатству, как становилось по всей Европе. А знатность по годности для службы. Пока служишь – ты дворянин.

Место в иерархии служащих определяла² Табель о рангах, введенная 24 января 1722 года. По Табели предусматривалось 14 рангов для всех государственных чиновников. Вводилось четыре колонки чинов: чины гражданские, военные, военно-морские, придворные. Во всех колонках чины каждого ранга приравнивались друг к другу.

Табель о рангах стала единственным критерием «годности» дворянина, определителем его положения в обществе.

Если американец, встречаясь со старым знакомым, смотрел не на него самого, на его машину, то русский человек XVIII–XIX веков столь же последовательно, встретив друга-приятеля, в первую очередь интересовался его рангом. Не вступавший никогда в службу официально именовался «недорослем». Князь Горчаков, никогда не служивший, до седых волос был «недорослем» и в представлениях своего общества, и в официальных документах. У придуманных Пушкиным Лариных, которые «хранили в жизни мирной приметы милой старины», среди всех прочих примет, «...гостям носили блюда по чинам».

Через Табель о рангах почти двести лет пополнялось российское дворянство. При Петре любой чиновник любого ранга получал права личного дворянства; сам факт службы делал человека обладателем немалых привилегий. При этом военный в любом чине мог передавать свое положение по наследству; гражданский чиновник получал права потомственного дворянства, как только дослуживался до VIII ранга.

Позже правительство не раз поднимало планку для тех, кто становился потомственным дворянином, но все равно их число неудержимо росло. И росло число тех, кто был в службе, имел право на личное дворянство, жил по тем же правилам и законам (брили бороду, пили кофе, учили дочерей танцевать, носили европейскую одежду), но до потомственного дворянства еще не дослужился. Тогда же возникло и слово для обозначения этих людей, дожившее до XX века, – «разночинцы».

Если считать и разночинцев, с их личными правами, то за годы правления Петра (всего за 36 лет!) число дворян увеличилось примерно в пять раз.

Конечно, в любом случае эти два века императорской истории из крестьянских общин, из маленьких городков Российской империи выходили бы активные люди, занимали бы совсем иное положение в мире. Но не будь Табели, они могли бы выходить в городскую буржуазию, в круг специалистов свободных профессий, никак не связанных с государством.

А Российская империя была замыслена и создана Петром так, чтобы максимально сохранить тяглый характер государства: внизу – тяглые; вверху – служилые. Всякий, кто переставал быть тяглым, тут же сам становился служилым...

Фактически Петр вернулся на двести лет назад, к временам Судебника Ивана III 1495 года.

Упрощение общества

Почти одновременно с введением Табели Петр нанес два мощных удара по церкви. Уничтожено патриаршество – один удар. Определена норма: 1 священник должен приходиться на 150 дворов прихожан. Не больше!

В 1722 году все «лишние» священники выключались из своего сословия, и еще повезло тем, кто угодил в солдаты. А священники, жившие на помещичьей земле и выключенные из списков, были приписаны к помещикам в качестве крепостных. То есть с 1722 года все священники Российской империи стали или чиновниками государства, или крепостными.

Петр совершенно сознательно упрощает структуру общества, создавая из множества разнообразных слоев один слой зависимых тяглых людей, платящих подушную подать.

---

² Табель в русском языке XVIII века – женского рода.

В ходе подушной переписи 1719–1724 годов холопов внесли в списки, а потом обложили податью. Так был уничтожен тысячелетний институт холопства, и все стали тянуть два тягла, в пользу и помещика и государства – и бывшие холопы, и владельческие крестьяне. Потом во владельческие крестьяне стали вписывать и церковников, которые не вошли в новые списки, а жили на помещичьей земле, и эти люди тоже несли одни и те же повинности в пользу государства и помещика.

Раньше, до введения подушной подати, холопы не платили государству. Петр сделал крестьян такими же холопами, а холопов такими же крестьянами, платящими подушную подать. До Петра многие москвиты были и неслужилыми, и нетяглыми – вольница, церковные люди. Петр уничтожил это положение вещей.

При нем не стало неслужилых и нетяглых, все стали только и исключительно или тяглыми, или служилыми.

Сама сумма подушной подати – 74 копейки с помещичьего крестьянина, 1 рубль 24 копейки с посадского или с черносошного крестьянина была получена очень просто – путем раскладки стоимости государственного аппарата и армии на все население Российской империи.

Еще раньше удар обрушился на так называемые промежуточные слои общества.

Приходится признать, что Петр произвел огромное «упрощение общества». Он упростил отношения в среде дворянства, уничтожив и смешав разные группы служилых людей, разные виды собственности, свел разные возможности дворян к одной-единственной – к службе, по преимуществу военной.

Он уничтожил все нетяглые и неслужилые слои общества, попросту не давая ему развивать отношения, не связанные с государством, – то есть двигаться в ту же сторону, что и вся остальная Европа.

Так же последовательно он уничтожил все многообразные формы подчинения и закрепощения крестьян, и при нем великое множество форм и видов неравенства сменилось гораздо более однозначными формами рабства.

Он уничтожил все разнообразные виды собственности в крестьянской среде, не давая возможности черносошным крестьянам породить и развивать буржуазные отношения собственности, как это происходило в XVII веке.

В число государственных крестьян вошли черносошные крестьяне севера, ясачные крестьяне – народы Поволжья, однодворцы юга, часть из которых сама владела крепостными, а землю держала на поместном праве...

Шло слияние патриарших, церковных, монастырских крестьян.

Совершенно исчезла вольница – все нетяглые и неслужилые люди допетровского времени, а было их во времена Алексея Михайловича до четверти населения.

Мало того что при Петре общество стало несравненно менее свободным, чем было еще при Софье... Оно стало еще и менее разнообразным, а это еще хуже и опаснее. Ведь во внутреннем разнообразии общества – залог его возможного развития... Чем сложнее, разнообразнее общество, чем более разные люди его составляют – тем легче отвечает такое общество на вызовы времени, двигается вперед, совершенствуется. А чем оно проще, тем с большим трудом общество приспосабливается к изменяющейся жизни.

При Алексее Михайловиче, даже при Михаиле Федоровиче общество было свободнее и разнообразнее, чем при Петре. То есть тогда Московия была ближе к европейской модели общества и могла легче и быстрее развиваться.

И содеянное Петром еще кто-то называет «прогрессом»?!

Раскол народа

Часто Петра называют реформатором в области культуры: мол, он позволил брить бороды, учить языки, читать европейские книги и тем самым начал европеизацию России, поставил ее на европейский путь развития.

Не может быть представлений, находящихся дальше от действительности!

Во-первых, отродясь Петр ничего не «позволял» и не «разрешал», он исключительно повелевал и приказывал.

Во-вторых, ведь питье кофе или ношение шляпы-треуголки вовсе не превращает человека в европейца. А Петр требует именно перенимать какую-то форму, внешний вид европейской жизни. Таковы его указы о брадобритии, о курении табаку, о питье кофе, о ношении европейской одежды, об ассамблеях – то есть о строго обязательных сборищах у того или другого дворянина.

Все эти указы могли преследовать только одну цель: как можно быстрее внешне уподобить Россию – Европе, а москвитов – голландцам.

«Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победой и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни своих обритых бояр», – писал А.С. Пушкин [8. С. 121].

Пройдет 12 лет, и Пушкин, начав писать «Историю Пугачева», соберет такие свидетельства о пугачевском «равнодушии» к барскому образу жизни, что и сегодня, почти через 300 лет, их бывает порой страшно читать.

А главное – Пушкин не прав в том, что, мол, народ упорствовал и потому сохранил «бороду и русский кафтан». Петр никогда не заставлял крестьян брить бороды. Легендарный указ о брадобритии, выпущенный Петром после возвращения из Голландии в 1698 году, предусматривал откуп – 100 рублей в год с купцов, 60 рублей с бояр, 30 рублей с прочих горожан. Заплативший выкуп получал специальный медный знак, который носил под бородой. Если прицепятся должностные лица из-за «неправильного» вида – бородач задирает бороду, показывал знак.

Но вот крестьяне платили сумму совершенно несопоставимую: всего 1 копейку при въезде в город и при выезде оттуда. А в деревнях и в маленьких городках, где не было воинских команд, впускаявших в города и выпускавших, – там на бороды никто не покушался.

И получается, что дело-то вовсе не в «стойческом» поведении крестьянства, а в безразличии Петра к его облику. Или просто руки не дошли? Вряд ли. О попытках брить казаков никаких сведений у нас не сохранилось, а духовенству с самого начала разрешалось бороды «оставить». И тем более никто не отнимал русского кафтана у мещан, купцов и казаков.

Так что даже смена одежды и брадобритие касались от силы 3 % населения. И ведь эта смена форм совершенно не мешала дворянству оставаться таким же, каким оно было и до Петра. Все так же родители сговаривали детей, не спрашивая их согласия, и так же большаки решали все за родовичей, и так же родители могли до рубцов пороть своих взрослых сыновей, а случалось – и дочерей. Раньше сговаривали детей люди в старомосковском платье, в низеньких палатах, отцы и матери отдельно. Теперь люди в коротких кафтанах сговаривали в комнате с картинами и зеркалами, пия кофе и любясь фарфоровыми безделушками. Ну, и что изменилось по сути?

Конечно, за изучением языков, ношением короткой одежды европейцев и внешними признаками быта типа зеркал, картин или балетных танцев следовали и другие перемены – часто вовсе не желанные Петром (например, осознание себя личностью, стремление владеть частной собственностью или оградить от вторжения остального общества свою личную жизнь). Но реформы проводились не для этого.

В XVII веке европеизация вовсе не означала освоения этих внешних форм западного быта и охватывала все слои общества. На рубеже XVII и XVIII столетий всякая европеизация, независимая от государства и его усилий, была полностью запрещена и все достигнутое – разрушено.

Весь XVIII век шла медленная европеизация – сначала формальная, внешняя, потом и глубинная; но вовсе не европеизация Российской империи и не всего русского народа. Это была европеизация исключительно служилого сословия, и в первую очередь дворянства.

Собственно, что сделал Петр? Своими указами он разорвал единый народ на две части.

Петр приказал дворянству и всем служилым учить языки, носить платья «в талию» и немецкие камзолы, вешать в домах картины и собираться на ассамблеи. Этой части русского народа он велел внешне европеизироваться (подчеркиваю – в основном чисто внешне!). Но другой части русского народа – крестьянам, купцам, мещанам и казакам категорически запретил делать что-либо подобное.

Эти реформы только еще сильнее разобщали податных и служилых. Раньше это были разные, но части одного общества с одним строем понятий и системой ценностей. Теперь общество оказалось разорванным на уровне даже бытовых привычек.

Указы Петра вбили клин между двумя группами населения: служилыми и тяглыми, жителями нескольких самых больших городов и деревенским людом. После Петра служилые верхи и податные низы понимают друг друга все хуже. У них складываются разные системы ценностей и представления о жизни, и они все чаще осознают друг друга, как представителей едва ли не разных народов.

Азиаты в плену у европейцев

Петр и не думал изменить тяглое государство или дать «частную свободу». Но он очень последовательно превращал русских туземцев в рабов русских европейцев. Если русские европейцы виделись ему чем-то вроде новых голландцев, то русские туземцы – чем-то вроде африканцев, голых черных сородичей его любимого Ганнибала.

Указом от 1711 года крепостных было разрешено продавать без земли: опять же, как Ганнибала или как негров в США. То, что раньше происходило очень редко, в виде исключения, и считалось эксцессом, теперь стало повседневной бытовой нормой. Раньше крепостной был зависимым, но членом общества. Он обеспечивал своим трудом помещика, которому земля с крепкими этой земле людьми давалась для того, чтобы он мог полноценно служить. Отнимая поместье, отнимали и прикрепленных к земле.

Теперь поместье и вотчина становились наследственным видом владения, а крестьян можно было продавать НЕЗАВИСИМО от того, продолжал ли помещик служить. Уже при Петре появились случаи, совершенно немыслимые при первых Романовых: когда богатые дворяне меняли крепостную девицу на заморскую диковинку: попугая, наученного матросским ругательствам, или разлучали семью, продавая в разные имения мужа, жену и детей. Тогда это казалось опять же крайностью, эксцессом; общество привыкло спустя еще поколение.

Холопов и крестьян слили в общем бесправии. Среди всего прочего, это вызвало резкий, в несколько раз, рост барщины. В середине XVII века на барщине была только треть поместий, потому что барскую землю обрабатывали холопы; в XVIII веке никаких холопов не стало, и на барщине оказалось две трети всех поместий.

Все податные, все тяглые ограничивались в передвижениях по стране. Для них вводились паспорта («пачпорта»), и нарушение паспортного режима – потеря паспорта, просрочка, выход за пределы разрешенной территории – автоматически делало человека преступником. Такого следовало немедленно арестовать и отправить на прежнее место жительства.

Кроме того, все тяглые ограничивались в выборе рода занятий и в возможностях «вертикальных» перемещений из одного сословия в другое, расположенное выше. В XVII веке крестьяне беспрепятственно становились богатейшими купцами, получали образование. Купец Посошков даже написал очень интересную книгу [9]. Уже при Петре Посошков, порождение допетровских времен – редкое исключение из правила, а эпоха Елизаветы Петровны и Екатерины II не знает богатых и образованных купцов, которые еще и книги пишут.

После Петра все неслужилые люди в Российской империи автоматически стали тяглыми и притом ограниченными во множестве прав и возможностей; и все тяглые обеспечивали существование служилых. «Русские азиаты» содержали «русских европейцев», обеспечивали им саму возможность быть «европейцами».

Петр не наряжал мужиков в немецкие одежды и не заставлял их бриться под угрозой кнута и плахи, но сколько мог насилывал их экономически. Крестьяне отвечали доступными им средствами: бежали. С 1719 по 1727 год числилось беглых 200 тысяч человек – почти столько же, сколько в Российской империи было дворян и чиновников.

В 1725 году насчитывался миллион недоимок по подушной подати; к 1748 году недоимки возросли до 3 миллионов, а к 1761-му – до 8 миллионов.

В Верховном тайном совете стали рассуждать, что если так дальше пойдет, то ведь не будет ни податей, ни солдат. А в записке Меншикова для императрицы высказывалась потрясающая истина: оказывается, что солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и если не будет крестьянина – не будет и солдата, то есть и армии.

Забываясь об укреплении этого народного тела, правительство указами от 1729 и 1752 годов повелевало отдавать беглых, бродяг и безместных церковников в крепостные тем помещикам, которые согласятся платить за них подушную подать.

Беглых возвращали, пороли кнутом, а они опять бежали, увлекая новых рассказами о вольной жизни в Речи Посполитой, на Дону или в Сибири.

А каково приходилось остальным, пока не сбежавшим, показали события осени и зимы 1733 года – в этот год хлопнул особенно сильный неурожай, и оборванные, еле живые от голода крестьяне наводняли города, прося подаяния и одним своим видом вызывая жалость.

И дальше было ненамного лучше. Крупные шайки по 100 и 200 конных то ли разбойников, то ли повстанцев постепенно переловили, или они ушли из государства, но все «царствование Елизаветы было полно местными бесшумными возмущениями крестьян, особенно монастырских. Посылались усмирительные команды, которые били мятежников или были ими биваемы, смотря по тому, чья брала. Это были пробные мелкие вспышки, лет через 20–30 слившиеся в пугачевский пожар» [7. С. 183].

Часть II

РУССКИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ

Судьба первых анклавов модернизации, как правило, бывает очень трагична.

Г.С. Померанц

Велел он (Пугачев. – А. Б.) расстрелять Хаврову и 7-летнего брата ее. Пред смертью они сползлись и обнялись – так и умерли, и долго лежали в кустах.

А.С. Пушкин

Пугачев ехал мимо копны сена – собачка бросилась на него. Он велел разбросать сено. Нашли двух барышень – он их, подумав, велел повесить.

А.С. Пушкин

Глава 1

СОСЛОВИЕ РУССКИХ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Мы не поступимся своим священным правом владеть людьми!

Князь Щербатов

Идеология императорского периода

В идеологии петровской и послепетровской эпохи Россия была государством, оторванным от Европы коварными монголами. То она была частью Европы, а потом ее оторвали от Европы, и она «нахлебалась татарщины». Вполне официально ставилась задача «вернуться в Европу».

В этой идеологии дворянство оказывалось «европеизированным» слоем. Так сказать, теми, кто уже в Европу вернулся. Получается, что сама их принадлежность к Европе не столько уже дело факта, сколько дело официальной идеологии.

Всегда и везде после модернизации все люди нового европейского общества становились просто самыми обычными, немудрящими европейцами – без особых идей. Нет ведь ничего особенно выдающегося в том, чтобы быть европейцами – так же, как очень трудно гордиться тем, что ты северянин или южанин, блондин или брюнет. Потомки норманнов – норвежцы, бывшие дети волка из рейнских лесов, немцы, осознавали себя частью Европы. Ну, часть и часть... «Я – европеец», и все тут. Такое же самоопределение, описание себя, как «я – блондин». Дальше что?

Конечно, в умениях и талантах есть нечто и возвышающее. Быть образованными и умелыми почетно. Европейцы среди необразованных крестьян выделяются и входят в верхушку общества – особенно пока их мало.

Так могут сливаться два типа самосознания: нейтральный, цивилизационный, и уже не очень нейтральное самосознание «лучших людей». Пока идет рывок модернизации, европейцы и правда как-то «лучше» остальных. Но это имеет и обратную силу: можно считать себя лучше окружающих просто потому, что ты – европеец.

К тому же в Российской империи (недавней Московии) быть европейцем – это значит выделяться идеологически. Европейец – это звучит гордо. Просвещенный человек лучше непросвещенного не потому, что умеет читать и получает новые возможности. А потому, что быть просвещенным человеком лучше и правильнее, ритуально чище, чем непросвещенным.

В этом была и чисто европейская идеология. И нечто очень, очень русское...

Ведь в средневековой Московии XVI–XVII веков Русь считалась святой землей, в которой все было абсолютно священно и праведно. Любая мелочь, включая обычай класть поясные поклоны, спать после обеда или сидеть именно на лавке, а не на стуле, была не просто так, а священным обычаем. Отступить от него значило в какой-то степени отступить и от христианства. Дмитрия Ивановича, «Лжедмитрия», осуждали, в частности, за бритье бороды, за то, что не спал после обеда.

Когда Василий III по просьбе второй жены сбрил бороду (1515), специально по этому поводу собрался церковный Собор. И постановил: бороду немедленно отпустить!

В эти священные установки нельзя было вносить никаких изменений. Внести означало не просто отойти от заветов предков, но и усомниться в благодатности Святой Руси.

А все остальные страны, и восточные, и западные, рассматривались как грешные, отпавшие от истинной веры. Конечно, русские цари организовывали новые производства, заводили «полки нового строя» и, нанимая немецких и шотландских инженеров и офицеров, ставили их над русскими рабочими и солдатами – просто потому, что они владели знаниями, которых у русских еще не было. Но даже в конце XVII века прикосновение к «инородцу» опоганивало; входить к нему в дом и есть его пищу было нельзя с религиозной точки зрения.

Немцы оставались теми, кто используется, но у кого почти не учатся. А русское общество бешено сопротивлялось всяким попыткам его хоть немного изменить.

В спорах о реформах Петра I, обо всей петровской эпохе совершенно справедливо отмечается, что Россия должна была учиться у Европы и сама становиться Европой – если не хотела превратиться в полуколонию и погибнуть в историческом смысле. Но совершенно не учитывается этот важнейший факт: для того чтобы учиться у Европы, надо было разрушить представление о странах «латинства» как о грешных странах, религиозно погибших землях. А одновременно надо было разрушить представление о России как совершенной стране, в которой все свято и ничего нельзя изменять.

Петр поступил так же, как тысячелетием до него поступил князь Владимир: силой заставил принять новую систему ценностей! Владимир «перевернул» представления древних россов: свое родное язычество объявил признаком дикости, а веру в Перуна и Мокошь – неправильной верой в бесов. А чужую веру, веру врагов-византийцев, чьи храмы было так весело грабить, объявил истинной верой, которую хочешь не хочешь, а придется теперь принимать.

Так же все перевернул и Петр I: Святую Русь объявил отсталой и дикой, несовершенной и грубой. Грешные западные страны, населенные чуть ли не бесами, объявил цивилизованными и просвещенными, источником знания и культуры. В такой перевернутой системе ценностей само собой получалось, что грешная, ничтожная Русь просто обязана перенимать мудрость у праведного ученого Запада. Теперь как раз немецкая одежда повседневна на обритых дворянах, на свадьбе же бородатых шутов их одевают в русскую народную одежду, а в гимназиях XVIII века русскую одежду будут заставлять надевать лентяев и двоечников. В НАКАЗАНИЕ – как столетием раньше надевали немецкую.

Когда А.В. Суворов решил вместе с женой принести церковное покаяние, в Георгиевскую церковь села Началова они с женой явились: «он в солдатском мундире, она в крестьянском сарафане» [10. С. 124].

В Саранске архимандрит Александр принял Пугачева с крестом и поминал во время молитвы «государыню Устинью Петровну». С него сняли ризы, обрезали волосы, надели

мужицкий армяк и сослали на вечное заточение. «В указе было велено вывести Александра в одежде монашеской. Но Потемкин отступил от сего, для большего эффекта» [11. С. 357].

Петр I и не думал отменять противопоставление Россия – Запад, давно существовавшее в сознании россиянина; он только поменял знаки на противоположные. То, что было со знаком «плюс», стало восприниматься со знаком «минус», и наоборот.

Раздвоение сознания (а по-научному – шизофрения)

А было и не только возвеличивание Запада до пределов просто неприличных. Было и прямое кощунство.

Петр женится на Екатерине Скавронской, крестным отцом которой при перекрещивании в православие был его сын Алексей (потому она и стала «Алексеевной»). И получилось, что женится-то он не только на публичной девке, но еще и на своей духовной внучке...

Петр I присвоил себе титул «отец отечества», а в религиозной традиции «отцом» может быть только духовное лицо, «отцом отечества» – только глава всей Русской православной церкви.

Петр I допускал называть себя «богом» и «Христом», к нему постоянно относили слова из Священного Писания и церковных песнопений, которые относимы, вообще-то, только к Христу. Так, Феофан Прокопович приветствовал Петра, явившегося на пирушку, словами тропаря: «Се Жених грядет во полунощи», а после Полтавской битвы 21 декабря 1709 года Петра встречали словами церковного пения, обращенного к Христу в Вербное воскресенье: «Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних, Бог Господь и явился нам...»

Священников из восставших стрелецких полков вешали на специальной виселице в виде креста, и вешал их палач, одетый священником, и казнь оборачивалась из – девкой над самой христианской верой, кощунством, сатанинским хихиканьем.

Петр I основал Всешутейный и Всепьянейший собор, который мог восприниматься только как кощунственное и притом публичное глумление над церковью и церковной службой.

Доходило до удивительных совпадений, о случайности которых я предоставляю судить читателю...

Пришествие Антихриста ожидалось в 1666 году, а когда оно не исполнилось, стали считать 1666-й не от рождения Христа, а от его воскресения, то есть в 1699 году. За несколько дней до наступления этого года, 25 августа 1698 года (следует помнить, что год начинался 1 сентября), Петр вернулся из своего заграничного путешествия, и его возвращение сразу же ознаменовалось целой серией кощунственных преобразований: борьба с русской национальной одеждой, с бородами, перенос празднования Нового года на 1 января (как в неправедных западных странах).

Не случайно же именно в это время пошли нелепые, но закономерные слухи – что настоящего Петра за границей немцы подменили, «заклали его в Стекольне (в Стокгольме. – А. Б.) в столб», а вернулся на Русь вовсе не Петр, а немец-подменыш, не человек, нелюдь...

Получалось, что Петр прекрасно вписывался в образ Антихриста и, по сути дела, ничего не имел против этого образа. И правда, неужели Петр не знал, как воспринимаются эти его действия? Несомненно, он просто не мог этого не знать.

Многие поступки Петра и не могли восприниматься иначе! Своими поступками Петр провозглашал, что он Антихрист, так же верно, как если бы он это о себе заявлял!

Понимал ли он, у кого, по представлениям его подданных, изо рта и носа исходит дым, когда с дымящейся трубкой шествовал по улицам Москвы?

Если бы Петр шел по улицам Москвы и громко кричал: «Я Антихрист!» – и тогда эффект был бы не больше.

Да и сами офицеры и солдаты – в мундирах иноземного образца, с бритыми физиономиями... Ведь бесов на иконах XVII века изображали обритыми и в немецких сюртуках и кафтанах! Так что когда солдаты (да еще под командой немца-офицера) тащили в Преображенский приказ одетого по-русски, бородатого старообрядца, это могло восприниматься только так: бесы волокут христианина в преисподнюю. Ведь чудовищная жестокость следствия, пытки огнем были повседневной, обыденной практикой. Без особенного напряжения фантазии современники могли представить себе застенки Преображенского приказа своего рода земным филиалом ада, в который бесами ввергаются православные, и за что?! За христианскую веру....

У обритого офицера в немецком мундире, даже предельно лояльного к царю, династии Романовых и к Российской империи, не мог не возникать вопрос: кого же мы защищаем, кому подчиняемся и за кого, за что в бой идем... А сами мы, получается, кто?! Защитник и слуга отечества оказывался, мягко говоря, в довольно сложном и весьма неясном положении.

Многие «нажитки» петровского времени оказались потрясающе живучи: например, на века стало хорошим тоном ругать эту «дикую» Россию и находить в ней самые невероятные недостатки (даже и те, которых нет).

Стало хорошим тоном сквернословить, кощунствовать, все подвергать эдакому ироническому сомнению.

Самый верный России, самый приличный и нормальный человек начинал жить как бы в двух разных мирах одновременно. Он осознавал себя русским человеком... Но одновременно все русское считалось диким и отсталым, худшим, чем европейское. Дворянин был православным – но глумился над православием и вообще над верой в Бога. Он был частью русского народа – и в то же время чем-то вроде французского или немецкого эмигранта.

«Черт меня судил родиться в России с умом и с талантом!»

«Клянусь, я не хотел бы иметь других предков, и никакой другой истории, кроме истории моих предков!»

Оба эти высказывания принадлежат одному и тому же человеку – Александру Сергеевичу Пушкину – и сделаны на протяжении двух недель одно от другого. Типичный признак раздвоения сознания, как и было сказано.

Другие последствия этого «петровского перевертыша» аukaлись странно, причудливыми соединениями, казалось бы, несоединимого: то пудовыми веригами под кружевами светского вертопраха времен Екатерины, то судорожным церковным покаянием Григория Потемкина сразу же после дичайшего загула; то стремлением часто богохульствовавшего и постоянно ругавшегося матом Суворова на старости лет уйти в монастырь.

Идеология лучших людей

Дворянство традиционно считало себя «лучшими людьми», кастой избранных. По мнению все того же А.С. Пушкина, цель дворян, не обреченных бороться за кусок хлеба и обладающих множеством привилегий, именно такова: стать лучшими людьми в государстве. Самыми культурными, самыми порядочными и честными.

Читатель вправе не согласиться, но во многом так оно и было. В дворяне мог попасть человек не особенно умный и культурный. В конце концов, плохое знание французского не делает человека умнее. Но определенными личными качествами он вынужден был обладать. Дворянин получал свои привилегии за службу. Или за гражданскую – за образованность, умение организовывать и управлять. Или за военную – то есть еще и за храбрость. Если он даже рождался дворянином, он должен был проявлять высокие нравственные и деловые качества – или исторгался из рядов дворянства.

Информация к размышлению: во время бунта Пугачева больше трехсот дворян, мужчин и женщин, были повешены за отказ признать Пугачева своим законным государем, Петром III, и присягнуть ему.

Как это делалось, очень хорошо описал А.С. Пушкин в своей «Капитанской дочке». Люди стояли под виселицей и прекрасно понимали, что их ожидает. Очень часто здесь же стояли их жены и дети; человек видел, что они разделят его участь. Были случаи, когда пугачевцы вешали или расстреливали детей на глазах отцов и матерей: как тех брата и сестру, которые после залпа сползлись и умерли, обнявшись. А родители? Так вот – не было случая, чтобы родители спасли детей, присягая бунтовщику. В том числе родители этих брата и сестры.

Женщины тоже могли спастись, согласившись признать самозванца. Кто им мешал отречься от мужа, даже если он не присягал? Вроде бы все склоняло как раз к «присяге» Пугачеву. Но сотни русских женщин умерли так же, как капитанша Миронова в «Капитанской дочке».

За всю историю пугачевщины только один потомственный дворянин пошел служить Пугачеву. Настоящая фамилия его – Шванвич, а у Пушкина это Швабрин. Отец этого Шванвича «прославился» тем, что во время дуэли с Алексеем Орловым Алексея окликнули, и Шванвич нанес ему удар саблей. До конца его дней правая сторона лица Алексея Орлова вечно «улыбалась» – шрам шел от уха до уголка рта. Пушкин как бы «слепил» два поколения Шванвичей.

Судя по всему, Шванвич предал не потому, что рассчитывал что-то получить от Пугачева. Сначала испугался смерти, всего-навсего, а потом пути обратно уже не было. Причем простолюдины не раз присягали Пугачеву, служили у него, а потом возвращались обратно. Под виселицей солдаты или дворовые люди, слуги помещиков, пугались и отрекались. Потом они бежали обратно, и их, что характерно, принимали. Потому что слуге можно было быть немного животным, чуть-чуть дикарем, было позволительно трусить и подличать для спасения жизни. А барину было нельзя, ему такое не прощалось. В том числе не прощалось и женщинам. Убитые Пугачевым дамы глубоко уважались обществом, но никому в голову не приходило, что они могут вести себя иначе. У Пушкина ведь тоже обе Мироновы, мама и дочка, выведены очень сочувственно, но без запредельных восторгов. А вот Швабрин совершенно омерзителен.

Шванвич сохранил тело, он пережил убитых Пугачевым. Но для всего своего сословия он безнадежно погиб социально, политически, психологически, духовно. Трудно описать всю меру отвращения, которую испытывали к нему буквально все. Во время процесса на его вопросы не отвечали даже солдаты. Дамы старались не коснуться его даже краем платья.

Шванвича сослали в Туруханск, и он там умер уже в 1830 годы, прочно всеми забытый. Не знаю, успел ли он прочитать «Капитанскую дочку» с собой в качестве персонажа.

Поколения поротые и непоротые, или Когда дворяне стали европейцами?

Общество, которое создавал Петр, только очень условно можно назвать европейским. Да, внешне дворяне становятся похожи на европейцев – манерами, одеждой, едой, утварью. Но образ жизни дворян не имеет ничего общего с жизнью европейского дворянства. Никакого разделения общественной и частной жизни, никакой частной собственности, никакого верховенства закона над произволом отдельных лиц или группировок!

Петр вовсе не давал дворянам свободу. Он сделал их еще более страшными рабами государства, чем крестьян. Во времена Петра дворянин служил всю жизнь, с 15 лет до полной дряхлости. Он должен был начинать служить с солдата или матроса и только постепенно получал офицерские чины.

Именно поэтому дворяне «записывали в службу» только что родившихся детей: пока мальчик войдет в надлежащие лета, он уже «отслужил» сколько надо и может начать службу не с рядового.

Дворяне постоянно подвергались унижительным наказаниям. История России знает такие удивительные события, как порка придворной дамы или порка боевого офицера.

В 1724 году, в очередной раз почувствовав недомогание, Петр решил, что сифилис «подарила» ему последняя любовница, жена его офицера, Прасковья... И велел мужу выпороть «негодную Фроську» за то, что одарила гадкой болезнью царя-батюшку. По мнению Петра, муж плохо порол Прасковью; мужа прогнали, а приговор привели в исполнение солдаты у дворцового крыльца.

Олимпий (Евлампий) Бутаков служил во флоте с 1688 года, с первой потешной флотилии на Переяславльском озере. Во время Северной войны Бутаков стал капитаном 18-пушечной шнявы. Однажды он на своей шняве заблудился в тумане, опоздал на 10 дней в Кронштадт, и за это был заперт почти насмерть. Во всяком случае, много лет спустя у Олимпия тряслись колени, и ходил он только с палкой³.

Многим памятен Дмитрий Овцын, штурман Беринга. А был у него родной брат Лаврентий Овцын, и после совершения такого же «преступления», что и Бутаков – заблудился в тумане, – Лаврентий Овцын, родной брат Дмитрия, был заперт не до полусмерти, а НАСМЕРТЬ.

В этих случаях речь идет о крупных полководцах; о людях, лично известных Петру. Что же говорить о самых обычных, «рядовых» дворянах или тем более о «худородных» служилых людях, без больших богатств и без обширных связей при дворе?!

Еще в 1755 году царица Елизавета собственноручно выпорола одну из своих фрейлин: юная княжна Гагарина очень уж рано стала порхать из постели в постель, от одного гвардейского поручика к другому. Поймав блудливую княжну за ухо, царица разложила ее на диване, вооружилась розгой и порола «паршивку», «пока рука не притомилась».

С точки зрения своего общества, Елизавета Петровна не совершила ничего из ряда вон выходящего, наоборот: покарал «негодницу» «из своих царственных ручек», она проявила себя как Богом данная императрица, вторая мать; как заботливая пожилая дама, которой только и оставлять на попечение дочерей. А что?! Позаботилась о нравственности княжны, вот и наказала, молодец.

Спустя полгода эту же княжну царица с помпой выдала замуж, так что княжна в свои 15 лет вовсе не была ребенком по понятиям своего общества. Порка взрослой девицы, невесты, только что вернувшейся с интимного свидания, считалась делом нормальным.

Примерно в те же годы знаменитый своими гнусостями маркиз де Сад угодил в тюрьму за то, что пытался выпороть бродячую торговку. Так сказать, перейти от теории к практике, осуществить то, о чем писал в своих опасных и глупых книжонках.

В России пока нет ничего даже отдаленно похожего.

Естественно, если человек и сам себя считает холопом государства и монарха, и все окружающие о нем такого же мнения – при чем же тогда европейство?!

Реальная европеизация дворян велась не через надевание портков немецкого покроя и не через питье кофе, а путем получения привилегий.

«Подлинная эмансипация дворянства, развитие его дворянского (в европейском смысле этого слова) корпоративного сознания происходили по мере его раскрепощения в 1730–1760 годы XVIII века...» [12. С. 212].

Манифест о вольности дворянской «заканчивал почти трехсотлетний период обязательной военной службы землевладельцев и превращал их из служилого в привилегированное сословие» [13. С. 298].

---

³ Эти интереснейшие сведения содержатся в неопубликованной книге «Бутаковы», написанной Александром Александровичем Григоровым и посвященной знаменитому семейству. Книга хранится в Костромском областном архиве и в Красноярске недоступна. Я пользуюсь случаем, хочу выразить благодарность Евгению Владимировичу Сметанину, который ознакомил меня с этими материалами.

Дворяне весь XVIII век осознавались европейцами на официальном уровне и все чаще считали самих себя европейцами, судьба которых – руководить диким народом и нести свет в дикий народ, чахнувший вдали от источников европейского просвещения.

Но фактически они начали становиться европейцами лишь к концу XVIII века. И показателем этого стало: дворян перестали пороть. После подавления пугачевского бунта «замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и пр. А Шванвич только ошельмован преломлением над головою шпаги. Екатерина уже тогда готовилась освободить дворянство от телесного наказания» [11. С. 355–356].

Освобождение от телесных наказаний и вообще полное раскрепощение дворян завершает Манифест 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

В этом знаменитом Манифесте всем дворянам дается право служить или не служить вообще, а находясь на службе, в любой момент ее покинуть, и в числе прочего – свободно уезжать за границу и служить иностранным государям. Ограничения невелики: правительство оставляет за собой право не отпускать в отставку офицеров во время войны и за три месяца до срока начала войны вызывать дворян из-за границы, «когда нужда востребует», и «заставлять их служить», когда «особливая надобность востребует». В остальное же время, вне особых ситуаций, дворяне могут быть вполне свободны от службы.

Учиться молодые дворяне теперь могли в России или в европейских державах, в казенных заведениях или дома.

Манифест гарантирует дворянству, что к нему не будут применяться телесные и иные позорящие наказания.

При этом Манифест возглашает, «чтоб никто не дерзал без учения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким нашим гневом», и дворян, не служащих без оснований и не учащих своих детей, повелевал всем истинным сынам отечества «яко нерадивых о добре общем, презирать и уничижать, ко двору не принимать и в публичных собраниях не терпеть».

Но это все – уже только морализаторство, только выраженная вслух надежда, что дворяне и без побуждений со стороны закона исполнят свой общественный долг – долг служилого сословия, станového хребта государства. Но государство отпускает дворянство «на волю». И хотя эта бумага стала документом, текстом закона только тогда, когда утомленный бурной ночью император ее подписал, подготовили-то бумагу русские дворяне из Комиссии Петра Шувалова, с 1754 года готовившие такой, или по крайней мере похожий на него, документ.

Сбылась мечта российского дворянства: оно стало свободно настолько, насколько может быть свободно привилегированное сословие в феодальной стране.

И как нетрудно догадаться, в Манифесте не было сказано ни слова о крепостном праве и о праве дворян на свои имения-вотчины. Эти права как были, так и остались незыблемы.

В феврале 1762 года дворянство получает все права, все привилегии, не поступаясь абсолютно ничем. Так завершается процесс, шедший всю эпоху Дворцовых переворотов, от смерти Петра в 1725 году до воцарения Екатерины II в 1762 году. В 1785 году Екатерина II в своей «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» («Жалованной грамоте дворянству»), подтверждает все, данное Манифестом 1762 года: свобода от обязательной службы, избавление от подушной подати, телесного наказания, от постоя войск. Судить дворянина мог только дворянский суд, а его имение за любые преступления не могло быть конфисковано. Только дворяне могли владеть землей и крепостными, они же владели недрами в своих поместьях, имели право разрабатывать недра, заводить заводы и торговать.

Дворяне получали право на самоуправление; в губерниях и уездах дворянские собрания созывались каждые три года, избирая уездных и губернских предводителей дворянства, судебных заседателей и капитан-исправников, возглавлявших уездную администрацию.

Правительство Екатерины II собиралось, вообще-то, дать жалованную грамоту и городам, и крестьянству, но в конце концов дало ее только горожанам. Крестьян было попросту нечем «жаловать» – дворянство получило фактически все ресурсы государства в свое, и только свое, пользование...

Всего за тридцать семь лет, прошедших со смерти Петра, дворянство приобрело несколько без преувеличения исключительных выгод, которые сформировали совсем другое, неожиданное и не предвиденное Петром положение этого сословия.

1. Потомственное дворянство сложилось как особый класс, отделенный от остальных служилых людей, и даже от службы вообще. Дворяне имеют привилегии независимо от того, служат они или нет.

2. Дворянство получает ряд гражданских прав, которых нет ни у каких других групп населения Российской империи.

3. Дворяне получают право свободно распоряжаться своими земельными владениями, и тоже независимо от того, служат они или нет.

4. Кроме того, дворяне получают:

– право продавать крестьян без земли, то есть фактическое превращение их в рабов дворянства;

– расширение судебной и полицейской власти над крепостными, почти равной власти государства, вплоть до права ссылать и отправлять их на каторгу;

– получение дешевого государственного кредита, который держит на плаву помещичьи владения независимо от их реальной доходности.

Дворянству даются огромные и все большие привилегии; все больше прав не служить, продолжая владеть имуществом, данным именно за службу; все больше власти над крепостным крестьянством. Всего за тридцать лет произошло раскрепощение дворянства: превращение его из самого забитого и бесправного сословия в самое сильное и привилегированное.

Первое непоротое поколение

К 1780 годам выросло первое непоротое поколение. Характерна история одного из Плещеевых... Парень учился в Кадетском корпусе, в Петербурге, и не привык держать язык за зубами. Несколько раз он нехорошо отзывался о царице Екатерине и ее любовниках... Парня вызвали к знаменитому Шешковскому, главе тайного сыска. Все бы и обошлось, Плещеев, скорее всего, отделался бы «отеческим внушением», но и тут язык его подвел: он нахамил Шешковскому, презрительно отозвался о его кнутобойных занятиях. Ну, и был жестоко выпорот.

Придя в казарму корпуса, парень лег лицом к стене и только глухо стонал: явно не столько от боли, сколько от лютого унижения. Товарищи поступили правильно: влили в Плещеева столько водки, что она только из ушей не вытекала, и послали за его любимой девушкой, Машенькой.

Машенька была дворянкой – но незаконнорожденной. Она училась в Епархиальном училище, для дочек священников и мещан, и у нее явно был совсем другой жизненный опыт, чем у непоротого и от того слишком впечатлительного Плещеева. То есть парню она, судя по всему, сочувствовала, помочь ему хотела, но был в ее поведении и оттенок откровенного непонимания. Что?! Здоровенный парень из-за такого пустяка еще на себя руки накладывает?!

Подхватив юбки, Машенька вихрем понеслась разбираться с любимым мальчиком. По отзывам свидетелей, с ее появлением в казарме Кадетского корпуса сделалось исключительно шумно.

– В окно выкинуть! Стеклом нарежусь! – орал пьяный Плещеев, очень жалея себя.
– Кидайся, если дурак! – орала Машенька.

Слушатели тоже хохотали и орали, веселью товарищей не было никакого предела.

Плещеев из окна не выкинулся, и правильно сделал. С Шешковским он счеты не свел – что уже куда хуже. На Машеньке он женился, и от них пошли полчища новых Плещеевых – что самое лучшее в этой истории.

Что характерно – первое непоротое поколение дворян стало и первым образованным поколением. Петр мог сколько угодно строжиться, требуя от дворян хотя бы элементарной грамотности. Одно время он даже запретил венчать неграмотных жениха и невесту. Ну, и многого ли добился? В 1780 году в Пензенской губернии были неграмотны 20 % дворян и почти 50 % дворянок – в основном старшее поколение. К поколению их детей принадлежал и незабвенный Митрофанушка – герой пьесы Фонвизина [14]. Болван Митрофанушка с его вошедшим в анналы «не хочу учиться, хочу жениться» – персонаж откровенно комедийный. По времени создания пьесы (1782) Митрофанушка – примерный современник Плещеева.

Последнее поротое и полуграмотное поколение дворян дожило до начала XIX века и покинуло сей мир в силу естественных причин: вымерло от старости.

Дети и внуки этих людей уже были по крайней мере грамотны, а многие и образованны. Можно сколько угодно смеяться над людьми, знавшими французский язык лучше русского, но это ведь тоже дворяне первого непоротого поколения.

Знание европейских языков русскому европейцу требовалось для многого – но едва ли не в первую очередь из соображений идеологии: какой же ты европеец без французского и немецкого! Но еще в эпоху Елизаветы, в 1740–1750 годы, иностранцы жаловались на «ужасный французский, который бьет как палкой по уху». Действительно, все эти «фрыштыки на пятьдесят кувертов», «заняться амуром», «делать плезир», «сотворение мемории», «творить баталию» и так далее показывают как раз чудовищно плохое знание языков.

«Смешенье языков, французского с нижегородским» – это из «Горя от ума» А.С. Грибоедова. Тогда же М.Ю. Лермонтов напишет свое:

И предков скушны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат [15.С. 32].

Как видно, для поэта 1840-х годов деда – как бы немного наивные, забавные в этой наивности полудети. Так же точно, как и в юношеском «Упыре» А.К. Толстого, предки времен войн с турками и Рымникского сражения – забавны. Бабушка главной героини, сожалеющая о старых временах и изменениях мод, помимо всего прочего, персонаж еще и откровенно комедийный [16. С. 7–69].

В те же 1840 годы несколько хулиганящих юнцов – будущий поэт и писатель А.К. Толстой, братья В.М. и А.М. Жемчужниковы – создали Козьму Пруткову. От имени этого вымышленного поэта они написали множество сатирических произведений, в том числе и «Гисторические материалы Федора Кузьмича Пруткова (деда)» [17. С.137–146]. В них они веселились как раз по поводу этих «кувертов» и «баталий». Интонация – какая и подобает внукам, резвящимся над «дедушкой из деревни».

Что делать! Для второго и третьего непоротых и образованных поколений деда, жившие в эпоху «Капитанской дочки», были уже такими патриархальными, милыми и наивными дедушками и бабушками из деревни. В том числе и потому, что второе-третье поколения говорили правильно и по-русски (без «онье на малой бумажке русскими литерами исписавши»), и по-французски.

Сколько было европейцев?

Петр I вззошел на престол страны, где жило примерно 11 миллионов человек. «Примерно» – потому что точно никто не считал, не было переписей.

Когда Екатерина II вступала на престол, население Империи составляло примерно 20 миллионов человек. К концу ее царствования... впрочем, тут возникают серьезные противоречия. Н.Я. Эйдельман называет «около сорока миллионов», но в другом месте начинает говорить о «33 с небольшим». С.Г. Пушкарев называет цифру 34 миллиона. В.О. Ключевский ведет речь о 36 миллионах. Дело в том, что и тогда империя не вела переписей всего населения.

Регулярные переписи проводились в США с 1790 года, в Швеции – с 1800-го; в Британии – с 1801-го, в Норвегии – с 1815-го, во Франции – с 1831-го. Но в Российской империи первая (и последняя) перепись состоялась в 1897 году.

Ревизий же было проведено всего десять: 1719, 1744–1745, 1763; 1782; 1795; 1811; 1815; 1833; 1850; 1857-й. Но целью ревизий было не пересчитать и переписать все население, а выявить «ревизские души»: податное мужское население. Эти души включали в списки – ревизские сказки, и каждая ревизская душа считалась наличной, даже в случае смерти, до следующей ревизии (именно эти-то «мертвые души» и скупал Чичиков).

Но ревизии не проводились в Польше, Закавказье и Финляндии.

Ревизиями не охватывались дворяне, чиновники, наличный состав армии и флота, а также неподатные: отставные солдаты, ямщики, духовенство.

Старообрядцы, относившиеся к переписям агрессивно, как к попытке антихриста наложить на них дьявольскую печать. Эти старались вообще никаких сведений о своем числе «антихристу» не сообщать.

В ходе ревизий учитывались только мужские души, и численность населения теперь устанавливается приблизительно, простым умножением на два. Но и число ревизских душ по V ревизии 1795 года Н.Я. Эйдельман называет 18,7 миллиона, а С.Г. Пушкарев и В.О. Ключевский – 16,7 миллиона. Даже эти «податные» души империя знала весьма приблизительно.

Мораль? Ни современные ученые не знают, ни правительство Российской империи не знало тогда, сколько же людей жило в России в XVIII веке. Оценки колеблются от 33 до 40 миллионов, а для получения точных данных нужно не только изобрести «машину времени» и «полететь» на ней в прошлое, но и организовать в Российской империи вполне современную перепись населения...

Из 34–40 миллионов треть жила в Нечерноземье – в историческом центре Великороссии, 10–12 миллионов душ – население присоединенной только что Западной Руси – современных Украины и Белоруссии; не менее 3 миллионов – население черноземной полосы, вообще-то мало освоенной из-за набегов татар. Эти набег кончились только в 1780 году, с покорением Крыма, и русские не успели освоить черноземные лесостепи и степи. Во всей Сибири от Урала до Америки, на территории Тобольского и Иркутского генерал-губернаторств – примерно 1 миллион человек, не больше. Еще меньше на новых землях в Причерноморье, в Крыму – к 1800 году порядка 200 тысяч человек.

Из всего этого населения только 5 %, 700 тысяч, ревизских душ живет в городах, коих при «матушке Екатерине» насчитывается 610. Из менее чем 2 миллионов городского населения не больше 50 тысяч записаны в купечество. Остальные – мещане, такие же нищие и бесправные, как и крестьянство.

Деревень побольше – примерно 100 000, и получается, что в среднем в деревне живет по 300–340 человек. На юге и западе деревни побольше, с населением человек в 500, в 1000, и встречаются почаще. А Север и Сибирь совсем малолюдные, глухие, там много деревень с числом жителей в 20, в 30 человек.

62 % крестьян – крепостные, собственность помещиков, и получается, что наиболее типичный русский человек конца XVIII века – крепостной мужик; их порядка 57–58 % всего населения.

Священников в Российской империи в 1795 году было 215 тысяч человек. Но никто не скажет, сколько же было в ней протестантских пасторов, раввинов, мулл, католических ксендзов, буддистских лам и архатов в Бурятии, шаманов у «ясачных инородцев». Этим священнослужителей империя не признавала и не считала.

Даже численность образованного сословия, дворянства, приходится высчитывать приблизительно. В конце XVIII века записано в столбовые книги порядка 224 тысяч человек... Но записывали порой еще не родившихся детей, чтобы к совершеннолетию они уже успели почислиться в полках и «выслужили» бы себе право вступать в службу офицерами. А других, имеющих право на дворянство по выслуге чинов, но не успевших оформить дворянство, сосчитать не удастся.

Не говоря о том, что 224 тысячи человек – это мужчины, юноши, мальчики. Чтобы получить численность сословия, опять же умножаем на два...

Чиновников в Российской империи порядка 14–16 тысяч, в том числе 4 тысячи старших, заслуженных – с I по VIII класс по Табели о рангах.

Число офицеров тоже приходится рассчитывать приблизительно, исходя из числа генералов, оно известно – 500 человек, и традиционного для русской армии соотношения 1 генерал к 30 офицерам. Итак, российский офицерский корпус конца XVIII века не превышал 14–15 тысяч.

Имеет смысл, право, учитывать это малолюдство: всей колоссальной империей с ее астрономическими расстояниями и многомиллионным населением управляет, в сущности, горстка людей. Дворяне если и не знакомы все поголовно друг с другом, то уж во всяком случае всякий выдающийся, чем-то интересный, яркий чиновник – всегда на виду. Всякий дворянин с необычными убеждениями, обширным умом, большой библиотекой, особенностями поведения сразу же выделяется, отмечается обществом.

По нынешнему миру ходит анекдот, что каждый из нас через десятого знакомого может выйти на президента США. В мире российского чиновничества и дворянства всякий всегда мог найти приятеля, родственника, знакомого, который знаком с практически любым видным лицом. Искать протекции – нетрудно.

История «капитанской дочки», Маши Мироновой, совершенно реальна. Одна из двухсот тысяч дворянок вполне могла найти влиятельную родственницу при дворе. Могла встретиться лично с царицей, просить у нее милости.

Петруша Гринев и Маша Миронова – из первого непоротого поколения дворян, жившего уже после Манифеста о вольности дворянской. Их уже можно назвать русскими европейцами.

Но и в конце XVIII века дворяне, русские европейцы, составляют исчезающее меньшинство: меньше полумиллиона человек из то ли тридцати трех, то ли «около сорока» миллионов жителей империи. То есть 1,2–1,5 % всего населения. Кучка лично знакомых членов особой корпорации привилегированных, отобранных, считающих себя солью народа, – а в чем-то и являющихся этой солью.

Глава 2

ВЛАДЫКИ НАД ТУЗЕМЦАМИ

Российская империя XVIII века – строго рабовладельческое царство античного или восточного типа.

В.О. Ключевский

– Все правильно ты говоришь о рабстве, Радищев... Только не разумею я, а понимает ли наш дикий народ, что он находится в рабстве?

Великий просветитель А. Новиков

Дворянство и народ

Вообще смысл самого понятия «народ» после Петра очень сильно изменился. В буквальном значении «народ» – это все, кто «народился». Русский народ – это все, кто народились от русских матерей и отцов, как от бояр и дворян, так и от корабелов, строящих каспийские бусы, как от купцов гостиной сотни, так и от церковных побирушек. Народ – это целостность, совокупность, по своему значению близкая к французскому «нацон» или английскому «нэй-шен» – нация, или немецкому «фольк».

Теперь же получается так, что часть русских вовсе не составляет народа. Они – дворянство, шляхетство, и юридически, своими правами, и своим образом жизни крайне резко отделенное от остального народа... они сказали бы просто – отделены от народа, опустив ненужное им слово «остального». В Российской империи есть дворянство, а есть народ, и совершенно неизвестно, является ли дворянство частью народа.

Только дворяне были для правительства «российским народом»; только они и существовали политически. Остальных 35 или даже 40 миллионов жителей как бы и не существовало.

В греческих городах-государствах резко различались граждане, лично свободные неграждане и рабы – государственные и частные. В Российской империи только дворяне выступают в роли привилегированных граждан. Священники, богатые купцы могут стать аналогом свободных неграждан. Крестьяне же и большинство горожан – типичные рабы, без малейших признаков каких-либо человеческих прав.

Неудивительно, что дворяне с восторгом ухватились за книжку, переведенную в 1717 году с немецкого: «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению». В ней было немало и вполне похвальных советов: не есть руками, «не чавкать за столом, аки свинья», «не совать в рот второго куска, не прожевавши первого», не чесать голову, не тыкать пальцами в физиономию собеседника и так далее.

Другие советы – быть приятными собеседниками, смело действовать при дворе, чтобы «не с пустыми руками ото двора отъезжать», учиться ездить верхом и владеть оружием – тоже были полезны тем, кого готовили из дворянских недорослей.

Но здесь же и советы как можно меньше общаться со слугами, обращаться с ними как можно более уничижительно, всячески «смирять и унижать»; был и совет «младым отрокам» не говорить между собой по-русски, чтобы, во-первых, не понимали слуги; а во-вторых, чтобы их можно было сразу отличить от всяких «незнающих болванов».

Не сомневаюсь, что и у немецких, и у русских издателей «Юности честного зеркала» намерения были самые лучшие, но русское дворянство использовало эту книжку по-своему: чтобы как можно более резко отделить самих себя от других классов общества, от десятков

миллионов всяких «незнающих болванов». «Ничтожная немецкая книжонка недаром стала воспитательницей общественного чувства русского дворянства» [18. С. 117].

Народ как бы нужно просвещать... Но вместе с тем над народом так приятно возвышаться... И одновременно народ ценен именно так, без всякого образования, и служит для того, чтобы дворянство могло быть «европейцами». А то, если все будут образованные, кто станет землю пахать?!

Владельцы земель и душ

Весь XVIII век дворянам все больше и больше позволяли не служить, а одновременно все возрастали права помещика по отношению к крепостным. Туземцы все в большей власти европейцев. Указом от 6 мая 1736 года помещик сам определял меру наказания крестьянину за побег. Указом от 2 мая 1758 года помещик должен был наблюдать за состоянием своих крепостных. 13 декабря 1760 года помещики могли ссылать своих крепостных в Сибирь, на поселение, а засчитывать их отправку как сдачу рекрутов. Крепостные не могли даже добровольно уходить в солдаты. Даже и эта последняя печальная дорога из крепостного состояния оказалась для них отрезана.

«Главная государственная сила состоит в народе, положенном в подушный оклад», – полагал граф Шувалов. Но под руководством же Шувалова проект нового законодательства предусматривал, что «дворянство имеет над людьми и крестьяны своими и над именем их полную власть без изъятия, кроме отнятия живота, и наказания кнутом и проведения над оными пыток». Дворянин волен отрывать крепостных от земли, разлучать семьи, распоряжаться их трудом, разрешать и запрещать жениться и выходить замуж.

То есть получается, дворянство вправе по своему произволу распоряжаться этой главной государственной силой. По проекту, крепостной опутывался надзором, как античный раб. Его духовная жизнь никого не интересовала, политически он не существовал... Только в одном смысле к нему приковано внимание государственных людей – как к тому, кто готов бежать, принося убытки владельцу и хлопоты государству.

После Манифеста о вольности дворянской крепостное право окончательно стало следствием, лишившимся своей причины, а маховик машины все набирал обороты.

С 1765 года можно было даже ссылать крепостных в каторжные работы «за предерзостное состояние», а крестьянам было официально запрещено жаловаться на помещиков.

Российская империя в 1760—1790-е годы в несравненно большей степени восточная деспотия, чем Московия 1670–1690 годов. Причем в 1670 годах Московия по степени несвободы своих подданных не так уж значительно отличается от остальных стран Европы; в 1770 же году даже в Пруссии принимались меры по смягчению крепостного права, а в Дании и в Австрии ставился вопрос о постепенной его отмене. Российская империя – более отсталое государство, чем была Московия сто лет назад.

В 1680-е годы Василий Васильевич Голицын проектировал освобождение крестьян вместе с землей – пусть они обрабатывают земли как свободные люди, наращивают экономическую мощь государства.

Потомок «того самого» Голицына, Д.А. Голицын, западник и друг Вольтера, тоже пропагандирует освобождение крестьян, но на поверку вынашивает совсем иные идеи, чем его родственник... Общество понимает его так, что князь хочет передать земли, которые обрабатывают крестьяне, им в собственность. И князь не в шутку обижается: он и не думал предлагать такой нелепости! «Земли принадлежат нам; было бы вопиющей несправедливостью отнять их у нас». Он имел в виду только личное освобождение крестьян, «собственность на свою личность» каждого из них, право на движимое имущество – скот, зерно и «право приобретать недвижимость, если они это могут».

Приходится признать – в стране за сто лет стало не только куда меньше свободы, но и несравненно менее европейский дух движет людьми одного и того же феодального сословия, даже одного и того же феодального рода.

Причем даже рассуждения Д.А. Голицына – скорее исключение из правила. Дворянство уверенно уселось на шею у основного населения страны и вовсе не собиралось слезать.

В советское время Салтычиху, заповорившую насмерть не менее 157 крепостных девиц, пытались представить чуть ли не типичной помещицей. Конечно, Салтыкова – это эксцесс. Но эксцесс не очень значительный, не очень далеко отходящий от бытовой практики помещичьей усадьбы.

Тем более что Дарья Николаевна Салтыкова, вдова ротмистра Глеба Салтыкова, совершала свои преступления совсем недалеко от Москвы, а то и непосредственно в самой Москве. Священники, боясь помещицы, давали «липовые» заключения о причинах смерти, чиновники тоже знали если и не все, но многое. Ведь крепостные Салтыковой не раз обращались в Сыскной приказ с жалобами на страшную помещицу. У многих из них были убиты жены, сестры и дочери; вопрос был – до кого дойдет очередь и когда?! Но проведенное Юстиц-коллегией следствие показало – чиновники в Москве и московская полиция были подкуплены, «задарены» Салтыковой и сразу же закрывали или клали под сукно всякое начатое дело об убийстве ее дворовых. Причем жалобщик рисковал не только оказаться в полной власти Салтыковой, но и сам угодить под суд – ведь пока жаловаться на помещиков крестьянам не запретили, но за «ложный» донос вполне можно было угодить в Сибирь. А какой донос ложный, какой нет, решал подкупленный чиновник. Нескольких доносителей и высекли кнутом, это обстоятельство известно. А не жалуйтесь!

Всего содеянного Салтыковой, скорее всего, и мы не узнаем никогда. 157 девиц – это, как выражаются юристы, число «доказанных эпизодов». Наверняка помимо них существовали такие, которых не удалось доказать и о которых попросту не стало известно ни следствию, ни современным историкам.

Само дело Дарьи Салтыковой двигалось с очень большим трудом, суд состоялся после длительных проволочек, – и это при том, что верховная власть высказала прямую заинтересованность в деле. Екатерина II называла Салтычиху «уродом рода человеческого», и эти слова даже попали в официальные документы.

Началось расследование в 1762 году, и только в 1768 году, через шесть лет, Салтыкову судили и приговорили к смертной казни. Уже на эшафоте Дарье Николаевне объявили о смягчении приговора, о замене смертной казни пожизненным заключением. Состоялась отвратительная сцена: Дарья Салтыкова сидела, прикованная цепью в столбу, обхватив голову руками, – смертной казни она очень боялась. А стоявшие вокруг помоста крестьяне кричали ей что-то в духе:

– Кончились твои дела! Ну, показни нас, показни! – и так далее.

Услышав, что не умрет прямо сейчас, «урод рода человеческого» встrepенулась, встала и, издавая какие-то горловые звуки, повизгивание, сипение, с оскаленным лицом пошла в сторону стоявших у помоста крестьян, протянула к ним растопыренную, как птичья лапа, руку. Зрелище было настолько омерзительное, что бывалых солдат, присутствовавших при нем, тошнило. А крепостные Салтыковой продолжали тешиться: свистели, оралы, даже пытались кидать в Салтыкову комками грязи, пока солдаты их не отогнали. Не будем осуждать этих людей, вспомним, что они пережили.

Дарья Николаевна Салтыкова никогда и ни в чем не призналась, несмотря на самые «железные» улики. Тем более она ни в чем никогда не раскаялась. Приговор был страшен, наверное, страшнее смертной казни: пожизненное заключение в каменном мешке монастырской тюрьмы, на цепи и без света, в полной темноте. Свечу приносить вместе с едой и уносить,

когда преступница поест. Вообще-то, Екатерина II не любила свирепых приговоров, и если такой приговор был вынесен, значит, царица и правда была потрясена преступлением.

Салтыкова умерла то ли в 1800, то ли в 1801 году, прожив больше 30 лет после вынесения приговора. Не знаю, стало ли ей известно, что ее имя сделалось мрачным символом, но что независимо от этого слово «Салтычиха» стало нарицательным, это факт. Насколько известно, она и в заключении никогда ни в чем не раскаялась.

Почему же дело Салтыковой было так трудно вести? Почему множество влиятельных людей пыталось приостановить его, замедлить, затянуть... раз уж никак нельзя его совсем прикрыть? Маловероятно, чтобы эти «влиятельные лица» отрицали сам факт преступления: слишком явны были улики. И вряд ли так уж многие люди были солидарны с Салтыковой в ее психическом отклонении. Все же клинический садист – явление достаточно редкое.

Но дворяне не могли... нет, даже не понимать, скорее – чувствовать: осуждая Салтыкову, волей-неволей осуждаешь и систему. Потому что сама причина совершения преступления, причина, по которой Салтыкова могла несколько лет подряд культивировать свою психическую патологию, убивая и калеча людей, коренилась в крепостном праве. В тех крайних, доходящих до абсурда формах крепостного права, которое установилось в Российской империи ко времени Елизаветы.

История знает просто невероятное количество примеров невообразимого варварства помещиков, вполне сравнимых с поступками Дарьи Салтыковой. В конце концов, Салтыкова была мелкой помещицей, без титула и без связей при дворе. Приговор вынесли не столпу тогдашнего общества; так, одной из очень многих. Так же точно в годы правления Петра III мелкую помещицу Зотову, пытавшую крепостных, постригли в монахини. Ее имение продали и выдали пострадавшим компенсацию. В 1761 году поручика Нестерова из Воронежа сослали в Нерчинск навечно «за доведение до смерти дворового человека».

Правительство готово было наводить порядок, удерживать русских европейцев от крайностей... Но примеры процессов редки, и все осужденные – помещики мелкие, малоизвестные, без прочных связей при дворе.

Вот Александр Сергеевич Шеншин, личность исключительно известная, комендант Петропавловской крепости. Есть легенда, что, встречая Шеншина, Потемкин спрашивал у него всякий раз:

– Ну, каково кнутобойничаешь?

– Да помаленьку, ваше сиятельство, – отвечал Шеншин с добродушной улыбкой.

Шеншин и у себя в имении не в силах был расстаться с любимым делом: содержал целый подвал, оборудованный под камеру пыток, и целый штат крепостных палачей, с которыми нередко развлекался, пытая других своих крепостных.

Не менее важным «столпом» петербургского общества был и Струйский, создавший в своем поместье собственную типографию, издававший роскошные книги своих собственных стихов. Стихи чудовищно бездарные, но ведь издавал же! Уровень стихосложения нимало не мешал Екатерине II хвастаться иностранцам: вот, мол, что у нас издается в такой глуши!

А кроме типографии, в имении Струйского была прекрасно оборудованная пыточная, – образованный граф много читал об инквизиции, и кузнецы по его чертежам воспроизвели практически весь арсенал времен «охоты за ведьмами». Виновных в чем бы то ни было, пусть в самой малой малости, судил трибунал во главе со Струйским, причем барин выступал в багровой мантии, с жезлом Великого Инквизитора, и во время «процесса» время от времени зловеще хохотал.

Приговор же был прост и стандартен: «запытать до смерти». Опытные, знающие свое «ремесло» палачи принимались за дело; сколько мужиков и баб испустило дух в пыточной Струйского, неизвестно. Нет никакой уверенности, что Дарья Салтыкова превзошла Струйского по числу убитых им людей. Очень может быть, как раз Струйский ее перещеголял.

А еще в имении Струйского был оригинальный домашний тир... Об этом тире уж точно было известно, потому что Струйский много раз приглашал туда гостей. В этом тире настоящие живые парни и мужики перебежали перед графом и его гостями, а те палили по живым людям из самого настоящего оружия. В этом тире ранили и убивали не «понарошку», но скольких именно постигла злая смерть – тоже история умалчивает.

Вопрос: а как хоронили убитых в тире и запытаных до смерти? Как отпевали и какие причины смерти «устанавливали» священники? Знали ли чиновники о преступлениях и много ли получали «на лапу»? Получается – многие и много чего знали. Но ни процессов, ни доносов не было.

И царица очень хорошо знала, как развлекается Шеншин. Не раз Екатерина II осуждающе качала головой, махала пальчиком Александру Сергеевичу: мол, знаю, знаю, чем ты там у себя занимаешься! А тот смущенно улыбался, разводил руками: мол, извини, матушка, более не повторится... И продолжал.

Что же до Струйского, то продукцией его типографии она хвасталась перед иностранцами, и нет никаких сведений о том, что она говорила о его втором увлечении, о домашней пыточной.

Ну ладно, пытать и убивать крепостных закон все-таки запрещал. Но ведь и не нарушая формально закона, можно было совершать чудовищные злодеяния. Или сочетать такие злодеяния и поступки формально дозволенные, но не менее устрашающие. Имение у помещицы Е.Н. Гольштейн-Бек отобрали в казну «за недостойное поведение» и за управление, которое могло повлечь за собой разорение крепостных (опять же – помещица мелкая, неродовитая). Недостойное же поведение состояло в том, что как только у дворовой девки рождался ребенок, барыня приказывала его утопить. Не любила шуму и «детского запаха» в доме эта образованная русская барыня, созревший плод европеизации страны. Сколько детишек утопили, мы не знаем, но если ребенок и подрастал – не в барском доме, в деревне, помещица принимала меры: целыми возами свозили на базары ребятишек, продавали подальше, чтобы не мешали просвещенной барыне своими туземными воплями, возней и ревом.

Если топить детишек официально все-таки не дозволялось, то уж продавать – за милую душу. В этом пункте барыня нисколько не переступала закон; ведь она, и только она, решала, кого из своих крепостных продавать, в каком составе и куда.

Даже если помещик все же убивал крепостного, не всегда и понятно, нарушал ли он закон Российской империи. Пытать и убивать запрещено... Но вот помещик Псаров на Покров, Рождество и Пасху устраивал в своих деревнях поголовную порку. Мужиков пороли на конюшне, баб в бане, что называется, рядами и колоннами. Пороли так, чтоб только живы были. Формально Псаров никаких законов не нарушал: пороть крестьян розгами, ремнем, плетью считалось в порядке вещей, запрещался исключительно палаческий кнут. Так что полный порядок, никакого нарушения законов.

Известно, что князь Ширятин заporол насмерть трех егерей. Подлые мужики подстрелили на охоте его любимую борзую суку. Тут характерно два обстоятельства: первое состоит в том, что раненая сука поправилась. Второе в том, что мы знаем о состоянии здоровья ценной охотничьей собаки: в источниках о борзой суке написано так же подробно, как и о трех мужиках, умерших под плетью.

Крайне трудно определить, «правильно» убил своих слуг князь или «неправильно». Убивать нельзя, но пороть плетью – можно. А ведь князюшка находился в состоянии аффекта: любимого песика убили!

Никакого нарушения закона не было и в помине, когда крепостных секли публично, на глазах жен, мужей, детей и родителей. Когда за недоимки сажали в погреб без света, на хлеб и воду, или приковывали на цепь, не спуская по неделям и месяцам. Их ведь не убивали, не пытали, кнутом не били.

Да ведь и не только в физических истязаниях дело. При фантастической власти помещика над крепостным можно не тронуть человека пальцем, но совершенно раздавить его личность. Уже упоминавшийся князь Ширятин имел обыкновение раздавать породистых щенков бабам, кормящим грудью – чтобы выкармливали и щенка. Потом точно так же поступали и многие другие страстные охотники его круга, так что «изобретение», что называется, пришлось «в жилу» российскому дворянству.

Власть помещика была так необъятна, что открывала дорогу самым невероятным злоупотреблениям. И для превращения крепостных в жертв злобности и самодурства «просто» плохого, душевно скверного человека. И для превращения их в заложников извращенцев, людей с патологическими чертами характера.

Но даже поступки людей вроде бы не жестоких и не злых оборачивались издевательством не меньшим, чем кормление грудью щенков или утопление новорожденных младенцев.

Граф Александр Васильевич Суворов совершенно справедливо вошел в историю как национальный герой. Он не был ни жестоким, ни даже чрезмерно строгим начальником. С солдатами Суворов был всегда заботлив и добр, никогда не оскорблял их и не наказывал не за дело. И даже за вину часто прощал. Суворов мог дружески беседовать с солдатами, пить с ними водку и петь матерные песни. И не только матерные. Он не раз пел с солдатами народные песни у костров, рассказывал новобранцам о давно минувших временах и подавал дельные советы: как лучше варить кашу или как обматывать ногу портянками. Во время Швейцарского похода он велел «отвести штыки под провиант»: насадить на штыки уходящей в горы армии по головке швейцарского сыра.

Но вот как помещик, вел он себя... своеобразно. Сам хозяйство Суворов не вел по понятной причине: служил, не было времени. В его деревне Ундол, под Владимиром, был поставлен управляющий. Это то самое село Ундол, которое вместе с родным Алепином в XX веке воспел Владимир Солоухин⁴.

Как ни радел об армии Александр Васильевич, но в своем имении завел обычай: не отдавать в рекруты своих крестьян, покупать рекрута на стороне. Половину стоимости рекрута платил барин, половину – сами мужики. И возникло у крестьян Ундола желание в этот раз не покупать рекрута, сэкономить немного денег: ведь есть в Ундоле негодный бобыль, у которого нет ни путного хозяйства, ни хорошей избы, ни даже чашки и ложки...

Насчет чашки и ложки мужики, скорее всего, «загнули», – очень уж им не хотелось покупать рекрута, тратить денежки, если можно сдать «негодного» односельчанина.

Староста был грамотный, все как есть отписал А.В. Суворову. И получил ответ, от которого не один день поеживался... Суворов принял решение прямое, как его героические переходы, простое и крутое, как штурм Измаила: пусть деревня построит бобылю избу, заведет ему хозяйство. Жены нет?! Как это нет – пусть староста выдаст за него свою дочку! Чтоб не писал староста барину, чего не надо, и чтобы поделился своим относительным богатством, помог экономически подняться еще одному плательщику оброка.

Однажды Суворов приехал в свое имение. Собирал грибы, ходил в церковь, беседовал со стариками – в общем, был с крестьянами прост и доступен, как и с солдатами... Только вот все абсолютно распоряжения управляющего он подтвердил. Полностью. Крестьяне-то бросились к барину, жалуясь на притеснения и несправедливости. Суворов же разбираться не стал, отказался «вникать». Даже добавил кое-что...

Оказалось, в Ундоле скопилось много холостых парней, «бобылей». В те времена для ведения полноценного хозяйства нужны были и мужские, и женские руки, и бобыли наносили ущерб – и самим себе, и крестьянской общине, и барину. Суворов действовал решительно и энергично. Для начал велел собрать бобылей:

---

⁴ Солоухин В.А. Капля росы. Рассказы. М., 1968.

- Почему не женаты?!
- Невест не хватает, батюшка...

Невест и правда не хватало. По неизвестной причине в соседних деревнях было больше девиц на выданье, а вот в Ундоле – избыток парней. Эти девицы принадлежали другим помещикам, они денег стоили, и их неохотно выдавали замуж за ундольских...

- Купить невест! – велел Суворов.

На первой же ярмарке на деньги Суворова купили невест. К приезду невест Суворов велел священнику облачиться, собрал бобылей и ждать возле церкви... Вот едут телеги, везут невест.

- Здорово, невесты! – кричит Суворов.

Что отвечают девицы, история умалчивает.

- С телег долой! По росту стройся! – опять командует великий полководец.

Невесты построились по росту, так же по росту построились и женихи.

- Невесты, под руки женихов бе-ери! В церковь шагом арш!

Что характерно, священник все это безобразие венчал. А у молодоженов после венца возникла одна-единственная проблема: не все запомнили в лицо своих мужей и жен. Но из положения вышли легко: опять построились по росту, и сразу все стало понятно.

Легко найти разницу между поступками Суворова и Салтычихи. Но в основном эта кошмарная баба и Суворов действуют одинаково. Русские туземцы для них – только лишённые права на личное отношение к чему-то средство решать проблемы и удовлетворять желания помещика. Салтычиха хотела пытать и убивать. Ширятин – разводить борзых собак. Суворов хотел наладить приносящее доход хозяйство. Лично он не был злобен и жесток, скорее снисходителен и добр. Но отношение принципиально то же самое.

Гаремы русских европейцев

В какой степени бесправны были крепостные, показывает распространение в XVIII – начале XIX века крепостных гаремов. Явление это совсем не такое редкое, как может показаться. Известна анекдотическая, но совершенно реальная история, когда в 1812 году, во время встреч Александра I с московским дворянством и купцами, некий помещик в пылу патриотического энтузиазма закричал царю: «Государь, всех бери – и Наташку, и Машку, и Парашу!» Это возложение гарема на алтарь Отечества легко счесть эксцессом... Но за этим эксцессом стоят достаточно страшные явления.

Известный мемуарист Я.М. Неверов описывает, как функционировал гарем в доме его родственника, помещика П.А. Кошкарова.

«...У Петра Алексеевича был гарем... 12–15 молодых и красивых девушек занимали целую половину дома и предназначались только для прислуги Кошкарова; вот они-то и составляли то, что я назвал гаремом... Собственно женская половина барского дома начиналась гостиной... Здесь же обыкновенно проводили время все члены семьи и гости, и здесь стояло фортепиано. У дверей гостиной, ведущей в зал, стоял, обыкновенно, дежурный лакей, а у противоположных дверей, ведущих в спальню Кошкарова, – дежурная девушка, и как лакей не мог переступить порог спальни, так и девушка не могла перешагнуть порог зала... Не только дежурный лакей или кто-то из мужской прислуги, но даже мужские члены семьи или гости не могли пройти далее дверей, охраняемых дежурной девушкой... Обыкновенно вечером, после ужина, дежурная девушка, по его приказанию, объявляла громко дежурному лакею: «барину угодно почивать», что было знаком для всей семьи расходиться по своим комнатам... а лакеи вносили тотчас в гостиную с мужской половины простую деревянную кровать и, поставив ее посреди комнаты, тотчас удалялись, а дверь из гостиной в зал запиралась, и девушки из спальни выносили пуховик, одеяло и прочие принадлежности для постели Кошкарова, который в

это время совершал вечернюю молитву по молитвеннику, причем дежурная держала свечу, а в это время все девушки вносили свои койки и располагали их вокруг кровати Кошкарлова, так как все непременно должны были, кроме Матрены Ивановны, начальницы гарема, спать в одной с Кошкарловым комнате... Раз в неделю Кошкарлов отправлялся в баню, и его туда должны были сопровождать все обитательницы его гарема, и нередко те из них, которые еще не успели, по недавнему нахождению в этой среде, усвоить все ее взгляды и в бане старались спрятаться из стыдливости, – возвращались из бани битыми».

«Все без исключения девушки были не только грамотные, но и очень развитые и начитанные, и в распоряжении их состояла довольно большая библиотека, состоявшая, конечно, почти исключительно из беллетристических произведений. Для девушки грамотность была обязательна, иначе она не смогла бы исполнять обязанностей чтицы при Кошкарлове, партнерки в вист и т. д., а потому каждая вновь поступившая тотчас же начинала учиться чтению и письму» [19. С. 363–364].

П.А. Кошкарлов в свои 70 лет очень ревностно охранял свои права владельца гарема, и когда одна из девушек, Анфимья, пыталась бежать со своим любимым, их обоих наказали крайне жестоко. Анфимью после сильной порки пытали, «посадив на стул» – то есть приковав к неудобному креслу, на котором она не могла даже наклонить голову: шею подпирали острые спицы. То есть ее пытали с помощью специальных орудий, в нарушение даже формально действовавших законов, и продолжалось это целый месяц.

А «в тот же день, когда совершилась экзекуция над Анфимьей... после чаю приведен был на двор пред окна кабинета бедный Федор. Кошкарлов стал под окном и, осыпая его страшной бранью, закричал: «Люди, плетей!» Явилось несколько человек с плетями, и тут же на дворе началась страшная экзекуция. Кошкарлов, стоя у окна, поощрял экзекуторов приказами: «Валяй его! Валяй сильнее!», что продолжалось очень долго, и несчастный сначала страшно кричал и стонал, а потом начал притихать и совершенно притих, а наказывавшие остановились. Кошкарлов закричал: «Что встали?! Валяй его!» – «Нельзя, – отвечали те. – Умирает». Но и это не могло остановить ярость Кошкарлова гнева. Он закричал: «Эй, малый, принеси лопату». Один из секших тотчас побежал на конюшню и принес лопату. «Возьми г... на лопату», – закричал Кошкарлов. При слове «возьми г... на лопату» державший ее зацепил тотчас кучу лошадиного кала. «Брось в рожу мерзавцу, и отведи его прочь!» [16. С. 106–107].

Конечно, Кошкарлов нарушил закон: нельзя было убить крепостного и нельзя было его пытаться. Но и тут у юристов наверняка возникли бы вопросы: как трактовать настолько зверскую порку: как прямое убийство? Как пытку? Как легкое превышение полномочий? Как случайность? Как видите, даже здесь все можно повернуть очень по-разному, многое зависит от адвоката, от настроения судей...

Но вот уж завести гарем Кошкарлов был в своем полнейшем праве: ведь нигде в своде законов Российской империи, в указах царей, в решениях Сената не значилось, что заводить крепостные гаремы запрещается. А что не запрещено – то разрешено, это старая истина.

Прогрессивные владельцы гаремов

Кстати, Кошкарлов имел репутацию очень прогрессивного, умного, образованного человека. Так сказать, ярко выраженного русского европейца. На первый взгляд ни с содержанием гарема, ни с запоротым насмерть парнем это как-то не особенно сочетается. Но только на первый взгляд...

Само «европейство» уже отделяло помещика от крепостных. Почти весь XVIII век книжное образование на русском языке было еще невозможным. В 1736 году Ломоносов уехал учиться в Германию – вовсе не потому, что был страшным германофилом: просто в России не было ни одного университета.

В 1755 году в Москве открылся первый университет на территории бывшей Московии. С 1801 года в Российской империи работало уже несколько университетов, но, как правило, уровень преподавания в них был ниже, чем в немецких. Юноши уезжали в Геттинген и в Гаале точно так же, как Ломоносов, вовсе не от дефицита патриотических чувств.

По-русски было непросто не только учиться, но читать книги, принимать участие в общественной жизни. В XVIII веке ни художественной, ни научно-философской литературы на русском языке еще не существовало; так, отдельные авторы. Даже в самом конце XVIII века французские и немецкие книжки на полках библиотек теснили редкие томики Хераскова, Ломоносова, Сумарокова, Новикова. Пушкин и Лермонтов, Толстой и Гончаров еще не родились на свет. Литературного процесса на русском языке еще нет.

Наука на нем почти не делается: даже в Российской академии наук из 300 академиков этнических русских – 2 человека в 1740 году, 6 человек в 1770 г. и только к 1800 г. – аж целых 30 человек.

Общественная жизнь? Политика? Она или в Европах, или в Петербурге... Даже не в Москве, тем более – не в провинциальных городах.

К тому же все политические теории, общественные интересы связаны с идеями французских просветителей и немецких философов, с жаркими спорами в гостиных Петербурга или в усадьбах – уж конечно, построенных и организованных по-европейски. Народ и не имел никакого представления о модных идеях и сам в него совершенно не укладывался.

Общие жизненные интересы? Их тоже не было. Душевная жизнь европейски образованного барина, помнившего бульвары Парижа, получавшего письма из Бадена и Женевы, спорившего о последнем романе Жанэ и о «Фаусте» Гёте, была предельно далека от любых душевных движений крестьянина. Не только потому, что крестьянин не читал Гёте, а еще и потому, что сами основы душевного устройства барина и его кучера оказывались различны.

Одни и те же слова русского языка имеют для них разный смысл. Одни и те же события осмысливаются не просто по-другому, а в других категориях.

Для барина убийство Петра III – сугубо политическое деяние, совершенное пусть и незаконно, но правильными людьми и с правильными целями. Для мужика на первый план выходит не политика, а семейная сторона преступления: жена мужа убила. Новиков передает разговор некоего помещика с кучером.

– Екатерина – великая государыня!

– Эх, барин... Так если всякая мужа убивать станет – и людей вообще не останется...

Судя по разговору, отношения барина и мужика достаточно дружеские. Но оценки... оценки событий абсолютно различны.

Не говоря о том, что совершенно различен житейский опыт, даже материальная культура дворянина – и всего остального народа. Дворянин и крестьянин – люди одного народа, но вместе с тем люди разных цивилизаций. И ничего с этим никак нельзя поделать.

Любой дворянин психологически ощущал себя человеком из другого мира, случайно заброшенным в Россию. Но, конечно же, эта отдаленность имела свои разные степени.

Консерватор на то и консерватор, чтобы признавать мир таким, каков он есть. Князь Щербатов вовсе не считал мужиков ровней, но ему и в голову не приходило их переделывать и перевоспитывать.

К тому же консерваторы – люди жизнелюбивые. Для них имеет значение все чувственное, эмоциональное: песня девушек вечером, пылящее сельское стадо, веселый шум престольного праздника, садящееся за пруд солнце. Все это хочется сохранить.

Консерватор еще и семьянин. Завести гарем... Гм...

Очень многие русские офицеры хорошо знают и уважают своих солдат. Очень многие помещики находятся в прекрасных отношениях со своими крестьянами, и даже считают их в чем-то лучше «своего брата» – например, честнее в денежных расчетах.

Чем прогрессивнее человек, чем более «передовые» у него убеждения – тем последовательнее он отказывается туземцам, в первую очередь крестьянам, именно в праве на бытие. На то, чтобы быть такими, каковы они есть. Они «неправильные» уже тем, что туземцы.

Чем «прогрессивнее» барин, тем в большей степени крестьяне для него – только некий материал для выработки будущего человека – русского европейца. Эти туземные люди – как бы и не совсем люди. Не ровня в экономическом или социальном смысле – но не только. Подлинно человеком для него является только «свой» – европеец, прогрессист, книжник, духовно живущий в мире красивых абстракций.

Раз так, то и крестьяне для него – не личности со своими желаниями и чаяниями, не люди, хотя бы в чем-то такие же, как он сам. А орудия труда или удовлетворения его желаний.

Кошаров, может быть, «по-своему» и образованный и, может быть, даже добрый человек. Но крепостные для него – в лучшем случае заготовки людей. Сама мысль, что эта «заготовка» обладает собственными желаниями и волей, ему непонятна и неприятна. Он и подумать не желает о том, что Федор и Анфимья могут любить друг друга и стремиться к счастью так же, как люди его круга.

Известно много случаев гибели помещиков от рук крестьян. Типичных причин две – истязания людей, которых мужики просто не выдержали. И нарушения помещиком правил, незыблемых для крестьян. Чаще всего речь шла об отнятии жены у мужа или о принуждении к сожительству. Во втором случае все помещики были очень передовые люди. Как Струйский с его домашним тиром и неплохой типографией.

Последствия бесправия

Влияние крепостного права, чудовищного бесправия, фактического рабства нескольких поколений на народный характер великороссов практически не изучено – видимо, уж очень болезненная это, неприятная тема. У меня по этому поводу нет никакой строгой научной информации, только такие же рассуждения, которые может проделать любой из читателей. Поделюсь только одним наблюдением, которое уже невозможно повторить: деревня, о которой я расскажу, находилась в зоне заражения, образовавшейся после чернобыльского взрыва. Но в 1981 году, до Чернобыля, на юге Брянщины, в этом углу РСФСР, зажатом между Украиной и Белоруссией, было и густое население, и множество деревушек, близко расположенных друг от друга.

Эта деревушка (называть я ее не буду) состояла из двух очень непохожих частей. На одном берегу тихой речки – крепкие добротные дома с кирпичными завалинками, большими садами, с погребами, в которые спускаешься по лестнице, а внутри горит электричество. Дома эти были построены совсем не «по-деревенски», а состояли из нескольких комнат, устроенных совершенно «по-городскому».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.